А. А. ШАХМАТОВЪ.

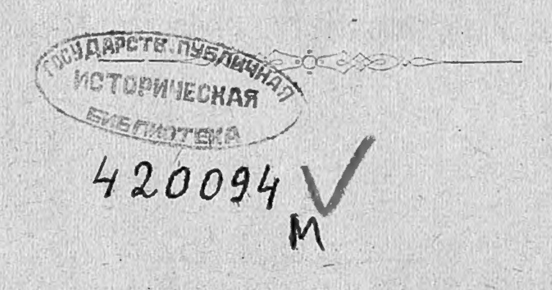
ДРЕВНѢЙШІЯ СУДЬБЫ РУССКАГО ПЛЕМЕНИ.

Изданіе Русскаго Историческаго Журнала.

ПЕТРОГРАД.
2-я Государственная Типографія, Красная (б. Галерная), 1.
1919.

Оглавленіе.

* * *

Историческая жизнь русскаго племени начинается съ момента появленія достовѣрныхъ свидѣтельствъ объ его бытіи и его выступленіяхъ на сценѣ всемірной исторіи. Первыя такія свидѣтельства вызываются русско-византійскими отношеніями, завязавшимися во второй половинѣ IX вѣка: къ этому времени восходитъ нѣсколько данныхъ византійскихъ хроникъ, сообщающихъ о морскомъ набѣгѣ русскихъ на Царьградъ. Въ X вѣкѣ передъ нами развертывается широкая картина, повѣствующая о бытѣ и движеніяхъ русскаго племени, благодаря русской лѣтописи, гдѣ сохранились договоры кіевскихъ князей съ Имперіей и цѣнныя народныя преданія, благодаря также свидѣтельствамъ византійскихъ историковъ, арабскихъ географовъ, скандинавскихъ скальдовъ и лѣтописцевъ. Задачей настоящаго очерка является главнымъ образомъ изображеніе доисторическихъ судебъ русскаго племени и выясненіе тѣхъ условій, при которыхъ создались могущественныя политическія организаціи, выдвинувшія его на міровое поприще. Въ этихъ судьбахъ много неяснаго, много спорнаго: изображеніе ихъ основывается на весьма скудныхъ письменныхъ и археологическихъ данныхъ. Но для отправнаго момента жизни русскаго племени сравнительно-историческій методъ даетъ слѣдующее прочное основаніе: самостоятельное бытіе этого племени явилось слѣдствіемъ выдѣленія его изъ общеславянской племенной группы; нѣкогда единое славянское племя, распавшись, выдѣлило изъ себя въ числѣ другихъ вѣтвей восточнославянскую или русскую вѣтвь. Славянская племенная группа выдѣлилась изъ индоевропейской семьи: выдѣлившись изъ нея, славянское племя пережило до своего распаденія долгій періодъ, въ теченіе котораго укрѣпилось его единство и создался опредѣленный типъ въ его языковомъ и вообще въ его этнографическомъ обликѣ. Это положеніе доказывается наличностью въ славянскихъ языкахъ цѣлаго ряда явленій, объединяющихъ ихъ въ ихъ прошломъ и восходящихъ къ общеславянскому періоду, къ общеславянскому пра-

языку. Такія же соображенія даютъ намъ основаніе утверждать, что и русское племя, выдѣлившись изъ общеславянской семьи, пережило до своего распаденія довольно долгій періодъ: сравнительное изученіе всѣхъ разновидностей русскаго языка доказываетъ, что онѣ восходятъ къ одному общему языку, языку сложившемуся въ теченіе общерусскаго періода, общерусскому праязыку.

Это положеніе подвергалось критикѣ и отрицанію; нѣкоторые изслѣдователи не находили возможнымъ говорить объ одномъ единомъ русскомъ племени, выдѣлившемся изъ славянства, и думали, что изъ славянской семьи выдѣлилась не составлявшая одного единого цѣлаго группа восточнославянскихъ племенъ, въ числѣ ихъ великорусы, бѣлорусы, малорусы; названныя племена являются будто столь же особленными между собою этнографически и лингвистически, какъ обособлены, напримѣръ, чехи и поляки, сербы и словенцы. Для безпристрастнаго изслѣдователя исторіи русскаго языка ошибочность такого утвержденія выясняется безъ всякаго труда при научномъ опредѣленіи явленій, возводимыхъ къ доисторическому періоду жизни русскаго языка, т. е. періоду, предшествующему появленію письменныхъ памятниковъ. Здѣсь не мѣсто для подробнаго обоснованія выставленнаго выше положенія объ единствѣ русскаго племени въ прошломъ. Мы исходимъ изъ него, отсылая за доказательствами къ изслѣдованію лингвистовъ. Замѣчу, впрочемъ, что это единство мы понимаемъ такъ, что всѣ русскія племена выдѣлились изъ одного общаго этническаго ствола, представлявшагося хотя и единымъ цѣлымъ, но обнаруживавшаго племенныя и діалектическія разновидности, при чемъ однако допустима такая эпоха, когда подобныя разновидности не соотвѣтствовали еще тѣмъ позднѣйшимъ разновидностямъ, которыя подготовили распаденіе русской семьи.

Допущеніе общеславянскаго единства, съ одной стороны, общерусскаго единства, съ другой, предполагаетъ наличность болѣе или менѣе ограниченныхъ территорій, соотвѣтствовавшихъ прародинѣ славянъ и прародинѣ русскихъ: только на ограниченной территоріи или на такой территоріи, которая при всей обширности представляла благопріятныя для экономическаго и политическаго единства условія, могло сохраняться этнографическое и лингвистическое единство племени. Это обстоятельство указываетъ на возможность ближайшаго опредѣленія какъ общеславянской территоріи, такъ и территоріи общерусской.

Изслѣдованіе о древнѣйшихъ судьбахъ русскаго племени можно начать съ отысканія обѣихъ этихъ территорій, для того, чтобы выяснить направленіе движенія восточныхъ славянъ, приведшаго ихъ въ территорію общерусскую, и опредѣлить то географическое основаніе,

откуда пошли движенія отдѣльныхъ русскихъ племенъ послѣ распаденія восточнославянскаго единства. Но мы предпочли расположить нашъ очеркъ въ соотвѣтствіи съ историческими свидѣтельствами о восточныхъ славянахъ, предкахъ русскаго племени.

Сообразно съ этимъ въ I главѣ разсмотримъ данныя, восходящія къ эпохѣ, когда восточные славяне, освободившись отъ гунскаго владычества, направили свои движенія къ нижнему Дунаю и въ югозападную Россію. Во II главѣ скажемъ о столкновеніяхъ восточнаго славянства съ аварами въ началѣ VII вѣка; въ III главѣ—о разселеніи восточнаго славянства послѣ паденія аварскаго могущества; въ IV главѣ—объ иноплеменныхъ элементахъ, входившихъ въ столкновенія съ восточными славянами; наконецъ, въ V главѣ—объ образованіи русскаго государства.

ГЛАВА I.

Появленіе восточныхъ славянъ на Дунаѣ и въ южной Россіи.

Въ этой главѣ мы дадимъ краткое обозрѣніе тѣхъ свѣдѣній о восточныхъ славянахъ, которыя, сохранившись въ дошедшихъ хроникахъ и другихъ историческихъ памятникахъ, могутъ быть возведены къ эпохѣ до второй половины VI вѣка по Р. Х., т. е. до появленія аваровъ на границахъ Византійской имперіи, ибо это ихъ появленіе предполагаетъ столкновеніе аваровъ съ восточными славянами, жившими, какъ увидимъ, на томъ пути, который велъ съ востока къ границамъ имперіи. Подвергая эти свѣдѣнія о восточныхъ славянахъ вниманію читателя, мы полагаемъ необходимымъ видѣть въ этихъ славянахъ предковъ русскихъ племенъ, исходя при этомъ изъ выставленныхъ выше двухъ положеній: 1) русское племя въ доисторическое время выдѣлилось изъ славянской семьи, какъ восточная ея вѣтвь, 2) восточное славянство представляло въ доисторическое время единство, включавшее въ своемъ составѣ предковъ всѣхъ современныхъ русскихъ племенъ.

Византійцы начинаютъ говорить опредѣленно о славянахъ (Σκλαβηνοί, Σκλαυηνοί, Σκλάβοι и др.) только съ VI вѣка; это можетъ служить доказательствомъ въ пользу того, что славяне только въ VI вѣкѣ, а самое раннее въ концѣ V в. продвинулись къ Дунаю и границамъ имперіи [1]).

Первыя и древнѣйшія сообщенія о славянахъ ставятъ ихъ (словѣнъ) рядомъ съ другимъ племенемъ, племенемъ антовъ (Ἄνται, Ἄντες); анты оказываются при этомъ ближайшими соплеменниками словѣнъ; словѣне и анты—это двѣ отрасли нѣкогда единаго племени; въ отношеніи къ словѣнамъ анты оказываются восточною отраслью распавшагося племени.

---

[1]) Доводы Л. Нидерле въ пользу того, что славянскія поселенія извѣстны въ Подунавьѣ съ I-II в. по Р. Х., не представляются убѣдительными. Они всѣ основаны на созвучіи именъ географическихъ (Slov. star. II, 146—161).

Цѣнныя и при томъ въ высокой степени достовѣрныя данныя объ антахъ находимъ у византійскаго историка Прокопія Кесарійскаго, а именно въ его трудѣ, посвященномъ исторіи современныхъ ему войнъ съ готами [1]). Изъ этихъ данныхъ видно, что словѣне и анты единоплеменны; нѣкогда они назывались общимъ именемъ, а именно спорами (Σπόροι); они пользуются, по словамъ Прокопія, однимъ общимъ языкомъ, весьма грубымъ; у нихъ общій бытъ, общіе вѣрованія и обычаи, общая внѣшность и общій духовный обликъ. Они обитаютъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ; ихъ страна лежитъ по ту сторону Дуная въ близкомъ разстояніи отъ его теченія. Словѣне и анты предпринимаютъ общіе походы на римскіе предѣлы; участвуютъ вмѣстѣ въ вспомогательныхъ отрядахъ, двинутыхъ ромеями противъ готовъ [2]). Но это не мѣшаетъ Прокопію видѣть въ словѣнахъ и антахъ два разныхъ народа, двѣ разныя племенныя группы. Анты опредѣляются какъ ближайшіе сосѣди словѣнъ, но ихъ поселенія простираются далеко на востокъ; Прокопій находитъ ихъ и за Днѣпромъ, къ сѣверу отъ гунскаго племени утургуровъ, живущихъ у Азовскаго моря на мѣстѣ древнихъ киммерійцевъ, при чемъ отмѣчаетъ безчисленность антовъ [3]). Анты въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствуютъ отдѣльно отъ словѣнъ; во времена императора Іустина (518—527) одни анты совершили набѣгъ на римскіе предѣлы, перейдя при этомъ Дунай; позже находимъ антовъ, какъ наемниковъ императора, отдѣльно отъ словѣнъ, напр. въ Италіи, въ распоряженіи Тулліана; съ римлянами они входятъ въ договорныя отношенія самостоятельно отъ словѣнъ; въ 545 году имп. Іустиніанъ предложилъ антамъ поселиться въ области города Turris, въ старой Дакіи, требуя взамѣнъ огражденія предѣловъ имперіи отъ гунновъ, т. е. болгаръ [4]). Наконецъ между антами и словѣнами отмѣчаются и разногласія, дошедшія (вскорѣ послѣ 533 года) до боевой схватки, въ

[1]) Первыя три книги этого труда появились въ 550 или 551 году, а четвертая около 554 года.

[2]) Procopii. De bello gotthico, III, 14; I, 27; III, 14; I, 27.

[3]) Ibid. IV, 4.

[4]) Ib. III, 40; III, 22; III, 14. Нѣкоторые изслѣдователи, напр. Брунъ (Черноморье, I, 167), предполагали, что Turris—это древній Tyras, переименованный антами въ Бѣлгородъ, что печенѣгами или другими турками было переведено какъ Аккерманъ; ср. также П. Голубовскій, Печенѣги, Торки и Половцы, с. 201; Г. Ласкинъ, Сочиненія Константина Багрянороднаго, Приложеніе 10-е, с. 223 (Чтенія Общ. Ист. и Древн. Росс. 1899, I). Шафарикъ отождествлялъ Turris съ Турной при впаденіи Алюты (Slov. star. II, 162). Маркквартомъ высказано едва-ли основательное предположеніе, что анты, слѣдуя зову императора, дѣйствительно переселились изъ прежнихъ своихъ мѣстожительствъ между Днѣпромъ и Днѣстромъ въ уступленную имъ область, т. е. южную Бессарабію; см. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften, 78; Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, 147.

которой анты потерпѣли пораженіе; но затѣмъ словѣне и анты мирятся и заключаютъ союзъ между собой[1]). Въ другомъ трудѣ, составленномъ въ 550 году, Прокопій говоритъ, что гунны, словѣне и анты со времени воцаренія Іустиніана почти ежегодно совершаютъ набѣги на Иллирію, Ѳракію, Грецію, Херсонесъ и другія мѣстности имперіи [2]).

Упоминаютъ объ антахъ и другіе византійцы, мало, впрочемъ, прибавляя къ тому, что мы знаемъ изъ Прокопія. Агаѳій Схоластикъ, составившій исторію царствованія Іустиніана, какъ продолженіе Прокопіева труда (въ ней описываются событія 552—558 годовъ), упоминаетъ объ антѣ Дабрагезѣ (Δαβραγέζας и Δαβράγεζας, Доброгостъ?), бывшемъ въ императорскомъ войскѣ на должности таксіарха; въ другомъ мѣстѣ Агаѳій, называя Дабрагеза, указываетъ только на варварское его происхожденіе [3]). Въ военномъ трактатѣ, приписываемомъ нѣкоему Маврикію и появившемся незадолго до воцаренія императора Маврикія, находимъ цѣлую главу, посвященную способамъ вести войну со словѣнами и антами, при чемъ авторъ нарочито указываетъ на общій бытъ и сходные обычаи обоихъ этихъ народовъ, отмѣчая, что поселенія какъ словѣнъ, такъ и антовъ расположены по берегамъ рѣкъ, впадающихъ въ Дунай съ противоположной имперіи стороны. Хотя такимъ оброзомъ составленіе трактата относится къ послѣдней четверти VI столѣтія, но онъ могъ основываться на старшихъ данныхъ: словѣнъ и антовъ авторъ знаетъ свободными и указываетъ, что они никакъ не поддаются рабству или чужому господству, особенно въ собственной землѣ; слѣдовательно, сообщаемыя данныя относятся ко времени до аварскаго владычества надъ ними [4]). Упоминаетъ объ антахъ и другой военный писатель въ трудѣ, тѣсно связанномъ съ Маврикіевымъ и дошедшемъ въ отрывкѣ, изданномъ въ 1880 г. К. К. Müller'омъ: здѣсь анты, словѣне, сарацины и персы противополагаются скиѳамъ (т. е. готамъ) въ отношеніи рекомендуемыхъ пріемовъ борьбы съ ними [5]).

Этими немногими данными исчерпывается то, что дали намъ византійцы относительно антовъ въ періодъ до-аварскій. Отмѣтимъ еще,

---

[1]) Procopii, De bello gotthico, III, 14.

[2]) Procopii, Hist. arcana, XVIII.

[3]) Agath. Hist. III, 21 и 6; чтеніе Ἄντης ἀνὴρ обязано редакторамъ изданій, а также маргинальной поправкѣ одной изъ рукописей, вмѣсто чтенія ἄν τις ἀνήρ; ср. Σκλάβος ἀνὴρ у Agath. Hist. IV, 20.

[4]) Mauricii, Ars militaris, XI, 5 (изд. Шафарика въ Slov. star. II, 662 и сл.), переводъ соотвѣтствующаго отрывка у А. Л. Погодина „Изъ исторіи слав. передвиженій", 64—65. Ср. Zachariae von Lingenthal въ Byz. Zeitschr. III (1894). S. 441. Krumbacher, Gesch. der byz. Litt., 635.

[5]) Festschrift für Ludwig Ulrichs, Würzburg, 1880, S. 126.

что какъ Іустиніанъ, такъ и его преемникъ Іустинъ носили титулъ 'Αντικός, въ ознаменованіе ихъ побѣдъ надъ антами.

О древнѣйшихъ судьбахъ антовъ мы знаемъ еще отъ одного писателя VI в., Іордана, гота по происхожденію, составившаго въ 551 г. два историческихъ труда: сначала De summa temporum vel origine actibusque gentis Romanorum и потомъ De origine actibusque Getarum (о происхожденіи и подвигахъ готовъ). Этотъ второй трудъ основанъ по собственному признанію автора на объемистой исторіи готовъ сенатора Кассіодора, составленной послѣднимъ по порученію острого́тскаго короля Теодориха, далѣе на исторіи готовъ Аблабія (жившаго около 500 г.), утраченной для потомства такъ же, какъ и трудъ Кассіодора, и еще на нѣкоторыхъ источникахъ. Въ первомъ трудѣ Іордана находимъ лишь краткое упоминаніе объ антахъ; въ самомъ концѣ его читаемъ: „Таковы судьбы римской республики кромѣ ежедневно повторяющихся нападеній болгаръ, антовъ и словѣнъ" [1]).

Гораздо важнѣе для исторіи словѣнъ и антовъ второй трудъ Іордана; мы находимъ здѣсь сообщенія о древнѣйшихъ судьбахъ антовъ и о современномъ ему ихъ географическомъ распространеніи. Относительно древнѣйшихъ судебъ антовъ узнаемъ, во-первыхъ, что анты, венеты и словѣне (Sclaveni) происходили изъ одного общаго племени, распавшагося на три названныя вѣтви, изъ которыхъ одна сохранила древнее названіе венетовъ [2]); во-вторыхъ, что остроготскій царь Германарихъ покорилъ своей власти венетовъ, при чемъ подъ венетами, согласно сдѣланной тутъ же оговоркѣ, могутъ разумѣться и анты [3]); позже остроготы были побѣждены гуннами (около 375 года); тѣ изъ нихъ, которые остались на прежнихъ мѣстахъ жительства (въ южной Россіи), стали подвластны гуннамъ, но управлялись собственными князьями; ихъ князь Винитаръ (внукъ Вультвульфа, Германарихова брата) стремился скинуть съ себя иго гунновъ; для того, чтобы показать свою храбрость, онъ двинулся въ страну антовъ; въ первой схваткѣ онъ былъ побѣжденъ, но потомъ ему удалось одержать верхъ; для устрашенія покоренныхъ антовъ онъ велѣлъ распять на крестѣ короля антовъ Боза (Boz, Booz, Box), его сыновей и семьдесятъ другихъ знатныхъ антовъ. Независимость Винитара продолжалась

---

[1]) Iordanis, De summa temporum, XV.

[2]) Iordanis, De Get. orig. XXIII и V.

[3]) Ib. XXIII: „Послѣ побѣды надъ герулами упомянутый Германарихъ двинулся противъ венетовъ... Венеты, какъ мы показали въ началѣ нашего труда, т. е. въ описаніи народовъ, происходя отъ одного корня, носятъ теперь три имени: венетовъ антовъ и словѣнъ. Теперь они всюду неистовствуютъ по грѣхамъ нашимъ, однако тогда всѣ они покорились Германариху".

недолго; не дольше какъ черезъ годъ онъ палъ въ битвѣ съ гунскимъ королемъ Баламберомъ (Balamber, Balamir, Balamer, Valamber) [1].

Весьма важны указанія Іордана на область распространенія антовъ, словѣнъ и венетовъ. Венеты (Venetarum natio) обитаютъ на лѣвомъ, обращенномъ къ сѣверу склонѣ горъ, окаймляющихъ Дакію (т. е. Карпатъ), и простираются на огромныя пространства, начиная съ истоковъ Вислы. Словѣне сидятъ отъ города Новіодуна и озера, называемаго Мурсіанскимъ [2], до Днѣстра, достигая на сѣверѣ Вислы. Что до антовъ, которые среди нихъ (венетовъ) самые сильные, то они живутъ на изгибѣ Понтскаго моря отъ Днѣстра до Днѣпра, отстоящихъ другъ отъ друга на разстояніи многихъ дневныхъ переходовъ [3].

Подводя итогъ тому, что мы знаемъ отъ византійцевъ и отъ Іордана объ антахъ первой половины VI вѣка, видимъ, что анты—это восточная отрасль славянскаго племени, выдѣлившаго въ то время сѣверозападную отрасль въ лицѣ венетовъ и югозападную въ лицѣ словѣнъ; нѣкогда славянское племя составляло одно цѣлое (называвшееся по Прокопію спорами, по Іордану венетами); во времена Германариха славяне (Іордановы венеты) были подвластны готамъ, живя, слѣдовательно, не на Дунаѣ и не на западъ отъ Днѣстра, ибо владычество остроготовъ не переходило за Днѣстръ. Можно думать, что Іорданъ представлялъ себѣ общую славянскую прародину тамъ, гдѣ остались жить венеты; но съ теченіемъ времени славянство разселилось, и тѣ племена, которыя оказались на югѣ, у Дуная и въ южной Россіи, стали называться словѣнами и антами. Остроготы властвовали, какъ указано, надъ всѣмъ славянствомъ, но когда они были покорены гуннами, имъ пришлось войти въ вооруженныя столкно-

---

[1]) Нахожу вслѣдъ за другими изслѣдователями вполнѣ вѣроятнымъ, что историческая пѣсня готскихъ дѣвъ, упоминаемая въ Словѣ о полку Игоревѣ (въ XII в. еще не исчезли крымскіе готы), относилась къ этому эпизоду борьбы Винитара съ антами: „Се бо готьскыя красныя дѣвы... поють время Бусово". Бозъ, быть можетъ, и не русское имя; ср. Boso, герцогъ Провансkій, ставшій въ 879 королемъ Бургундскимъ.

[2]) Чтенію a civitate Novietunense нѣкоторыхъ списковъ противополагаются въ другихъ рядъ испорченныхъ чтеній; Noviodunum (готы произносили, повидимому, Novietunum)—это городъ близъ современнаго Исакчи на правомъ берегу Дуная въ Добруджѣ (на западъ отъ Тульчи); что такое lacus Mursianus (или Musianus), до сихъ поръ не выяснено (ср. Ѳ. И. Успенскій, Исторія Византійской имперіи, I, 463), но ясно, что его надо искать гдѣ нибудь на югѣ Молдавіи или Бессарабіи; ср. Мурджени—поселеніе въ Молдавіи.

[3]) Iord. V; вм. usque ad Danaprum нѣкоторыя рукописи даютъ явно ошибочное чтеніе usque ad Danubium.

венія и со славянами, а именно (въ концѣ IV или началѣ V вѣка) съ антами. Изъ этого можно заключить, что распаденіе славянства, его разселеніе было связано съ паденіемъ готскаго могущества, вызваннымъ нашествіемъ гунновъ: освободившись изъ-подъ руки остроготовъ, славяне начинаютъ двигаться на югъ, но восточная ихъ вѣтвь, анты, терпитъ пораженіе отъ южнорусскихъ готовъ; Іорданъ разсказываетъ о походѣ Винитара [1]) въ страну антовъ, но походъ этотъ былъ вызванъ, конечно, не желаніемъ Винитара показать свою храбрость, а необходимостью обезопасить себя отъ вторженія антовъ; это удается Винитару; позже, въ VI вѣкѣ, мы видимъ антовъ именно тамъ, гдѣ сидѣли раньше остроготы.

Все, что мы знаемъ объ антахъ, съ совершенною ясностью ведетъ насъ къ признанію ихъ восточными славянами, слѣдовательно, предками русскихъ [2]).

Правда, возможны предположенія, высказывавшіяся нѣкоторыми учеными, относительно того, что восточнославянское племя антовъ является предкомъ не русскихъ, а другихъ или исчезнувшихъ позже восточныхъ славянъ, или слившихся позже съ болгарами [3]), но эти предположенія опровергаются тѣмъ, что въ историческое время находимъ русскихъ именно тамъ, гдѣ жили анты.

Правда, славяне, вошедшіе въ составъ болгарской народности, являются восточными югославянами въ отношеніи къ сербохорватамъ и словенцамъ, но исторія славянскихъ языковъ ясно разграничиваетъ восточно-славянскую группу (т. е. русскую) отъ югославянской (въ которую входятъ и болгары, и сербы, и словенцы), при чемъ такое рѣзкое разграниченіе свидѣтельствуетъ и о значительномъ географи-

---

[1]) Маркварть сближаеть его имя съ племеннымъ названіемъ венетовъ и думаетъ, что оно указываетъ на его побѣду надъ антами (венетами), Osteurop. und ostasiatische Streifzüge, 368.

[2]) Имя антовъ едва-ли славянское; связывать его съ именемъ вятичей, гдѣ а (я) изъ носового е — невозможно. Скорѣе всего это имя, данное восточнымъ славянамъ кѣмъ-либо изъ ихъ сосѣдей; допустимо кельтское происхожденіе этого имени, ср. древнекельтское *ántano-(звѣзда), родственное санскр. ánti, греч. ἀντί, древневерхненѣм. endi (лобъ), отъ корня со значеніемъ „противъ, напротивъ"; ср. далѣе племенное названіе Antobroges (въ Аквитаніи) при Allobroges (въ сосѣдствѣ съ Батовіей). А. Л. Погодинъ указалъ на имя Ἄντας на посвятительной таблицѣ, относящейся къ III в. по Р. Х. и найденной въ Керчи, а также на имена Antus (808 и 1237 г.), Onthus (1222 г.), Ont (1275 г.) въ венгерскихъ документахъ; см. Сборникъ статей по археологіи и этнографіи (Спб. 1902), 163-164.

[3]) Такъ K. Zeuss, Die Deutschen und die Nachbarstämme, 607; Дриновъ, Заселеніе Балканскаго полуострова, 116; Новаковичъ, Први осн. слов. књижевности, 91, 97; ср. у Нидерле въ его статьѣ Antové (Sitzungsberichte der königl. böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften, 1909, с. 6), а также въ Slov. star. II, 433.

ческомъ расхожденіи; такое расхожденіе имѣется на лицо въ отношеніи словѣнъ, оставшихся въ первой половинѣ VI в. у Дуная, и антовъ, отошедшихъ далеко въ глубь южной Россіи; словѣне, т. е. славянскія племена, захватившія въ VI-VII в. Балканскій полуостровъ, сближались въ своихъ стремленіяхъ и движеніяхъ, и этимъ объясняется принадлежность ихъ къ общей языковой группѣ. Связь антовъ съ русскимъ племенемъ признали также М. С. Грушевскій [1]) и Л. Нидерле [2]), но выставили положеніе о тождествѣ антовъ именно съ южнорусскими (такъ Нидерле, а Грушевскій—съ малорусскими, украинскими) племенами. Рѣшительно не могу согласиться съ этимъ положеніемъ: распаденіе русскаго племени произошло позже появленія антовъ въ южной Россіи; оно явилось результатомъ его разселенія именно изъ тѣхъ территорій, которыя были захвачены, согласно Іордану и Прокопію, антами; въ послѣднихъ вижу поэтому предковъ всего вообще русскаго племени [3]).

Отмѣчу, что указанной византійцами и Іорданомъ особенной близости словенъ и антовъ между собой соотвѣтствуютъ данныя, извлекаемыя изъ сравненія славянскихъ языковъ западной, южной и восточной группы; южные языки и восточный (русскій) языкъ пережили такія общія звуковыя явленія, какихъ не знаютъ западные; ср. хотя бы русское и южнославянское мыло, звѣзда, при западнославянскихъ mydlo, польск. gwiazda, чешск. hvězda. Изъ данныхъ языка обнаруживается, что общеславянская семья распалась сначала на двѣ вѣтви: западную и южно-восточную; позже вторая вѣтвь выдѣлила изъ себя южную и восточную отрасли.

Отождествивъ такимъ образомъ антовъ съ восточными славянами, предками всѣхъ русскихъ племенъ, мы на основаніи предыдущихъ соображеній можемъ представить себѣ древнѣйшую исторію нашего племени въ такомъ видѣ. Оно жило первоначально вмѣстѣ съ остальнымъ славянствомъ, повидимому, тамъ, гдѣ продолжаетъ жить часть западнаго славянства и теперь, а именно въ бассейнѣ Вислы; славяне удерживались здѣсь отъ движеній на югъ германцами; несомнѣнно, что восточные германцы (готы) сами занимали нѣкогда Повислинье; но ихъ уходъ на югъ во II в. по Р. Х. очистилъ Повислинье для славянъ; оставляю вопросъ о томъ, откуда именно славяне попали

---

[1]) Історія України-Руси [3], I, 176; не такъ опредѣленно въ трудѣ „Кіевская Русь" I, 209. Ср. съ этимъ признаніе антовъ предками уличей и тиверцевъ у И. И. Срезневскаго (Изд. Втораго Отд. И. А. Н., VIII, 314).

[2]) Antové въ Sitzungsberichte der kgl. böhm. Ges. der Wiss. 1909.

[3]) Такъ же смотрятъ А. Л. Погодинъ „Изъ исторіи славянск. передвиженій". 27, и другіе изслѣдователи.

въ Повислинье, открытымъ; попавъ въ Повислинье (приблизительно во II в. по Р. Х.), славяне обнаружили первыя попытки двинуться на югъ по стопамъ готовъ [1]) во второй половинѣ IV вѣка, въ связи съ нашествіемъ гунновъ и паденіемъ сдерживавшаго славянства съ юга готскаго могущества. Повидимому, впереди шла вѣтвь восточнославянская (анты); двигаясь по стопамъ готовъ, анты попали сначала въ Поприпятье [2]); отсюда они угрожали Поднѣпровью, но ихъ первые натиски, какъ мы видѣли, были сдержаны остроготами, а затѣмъ утвержденіемъ гунскаго могущества. Только послѣ паденія гунновъ (битва при Недадѣ въ Панноніи, въ 462 г.) славяне получили возможность подойти къ Черному морю и Дунаю, причемъ движеніе участвовавшихъ въ походѣ славянскихъ племенъ велось во взаимной согласованности. Вѣроятно, что къ нижнему Дунаю славяне могли подойти со стороны Днѣстровскаго бассейна. Смерть Денгизиха, старшаго сына Аттилы, разбитаго ромеями (467 г.), внесла полное разстройство въ гунскія полчища; ихъ мощь отливаетъ на востокъ къ бассейну Дона, гдѣ гунны и поселяются, причемъ область къ востоку отъ Дона занимается утургурами, а область къ западу кутургурами. Гунны не нашли себѣ могущественныхъ замѣстителей въ Подунавьѣ: свергнувшіе иго гунновъ остроготы въ 489 г. удалились въ Италію; гепиды тѣснились въ долинѣ Тиссы; продвиженію къ югу не могли помѣшать осѣвшіе въ Добруджѣ гунны и аланы, а также кочевавшіе въ южно-русскихъ степяхъ болгары. Все это облегчило славянамъ завладѣніе областями къ сѣверу отъ нижняго Дуная и всѣмъ юго-западомъ Россіи. Гдѣ-нибудь у устьевъ Дуная назрѣли причины окончательнаго распаденія той части славянства, которая покинула Повислинье, т. е. антовъ и словѣнъ; предшествующая эпоха объединила славянскія племена, но на Дунаѣ дѣлежъ добычи или споръ изъ за новыхъ владѣній и открывавшихся возможностей дальнѣйшаго

---

[1]) Можно утверждать съ большою вѣроятностью, что сами готы, двигаясь изъ Повислинья къ Подунавью и Черному морю, слѣдовали по стопамъ германскихъ бастерновъ, которыхъ по нѣкоторымъ основаніямъ отождествляю со сполами (Spali, Spalaei Іордана и др.); славяне сосѣдили нѣкогда со сполами (ср. ихъ этническое названіе въ древнецерковнослав. споли, сполинъ, русск. исполинъ); по удаленіи споловъ на югъ, славяне стали сосѣдить съ готами (ср. готское tiuda народъ въ общеславянскомъ *tjud, откуда древнецерковнослав. штоудь въ значеніи исполинъ, а также славянскія слова, какъ русск. чужой, древнецерковнослав. штоуждь, тоуждь).

[2]) О временномъ пребываніи готовъ въ Поприпятьѣ сообщаетъ Іорданъ, называя его „готскимъ" словомъ Oium (l. c. IV). Müllenhof, Deutsche Altertumskunde [2] II, 365, видѣлъ въ этомъ словѣ передачу готскаго aujôm (дат. мн.) изъ первоначальнаго *ahvia, производнаго отъ ahva „вода", въ значеніи болотистой мѣстности.

расширенія разъединилъ обѣ группы племенъ, участвовашихъ въ движеніи изъ Повислинья: словѣнскую и антскую. Распаденію славянства во вновь занятой имъ территоріи на словѣнъ и антовъ соотвѣтствуетъ распаденіе готскаго племени, когда оно оказалось на границахъ имперіи—на остроготовъ (иначе Greutungi: степняки) и визиготовъ (иначе Tervingi: древляне). Антамъ, т. е. восточнымъ славянамъ, досталась территорія остроготовъ, западною границей ихъ сталъ Днѣстръ, на востокѣ они доходили до Днѣпра (Іорданъ), переходя и на лѣвый его берегъ (Прокопій); въ этихъ предѣлахъ анты заняли, повидимому, только предстепье, ибо черноморскія степи, какъ указано, принадлежали остаткамъ гунской орды—на востокѣ кутургурамъ, на западѣ болгарамъ.

ГЛАВА II.

Столкновеніе восточныхъ славянъ съ аварами.

Въ 558 году на историческую сцену Европы выступаетъ новая сила въ лицѣ уйгурскаго (въ болѣе обширномъ значеніи этого термина) племени аваровъ или, какъ ихъ называли турки, ложныхъ аваровъ [1]).

Уходя отъ турокъ, они изъ глубины Азіи двинулись въ Европу, опрокидывая и сметая встрѣчавшіяся на ихъ пути племена; это привело въ движеніе цѣлый рядъ кочевыхъ народностей; получившіе отъ псевдоаваровъ ударъ сабиры напали на угуровъ и уннугуровъ; тѣснимые псевдоаварами сарагуры напали на акациръ, а эти обрушились на аланов, жившихъ въ степной области на сѣверѣ отъ Кавказа. Въ 557 году авары достигли земли алановъ; отсюда они покорили своей власти рядъ сосѣднихъ племенъ, между ними уннугуровъ и сабировъ, отступавшихъ передъ ихъ натискомъ изъ-за Волги. Но аварамъ не пришлось основать своего господства въ юго-восточной Россіи; ихъ, повидимому, страшило приближеніе шедшихъ слѣдомъ за ними турокъ. Союзныя сношенія съ кутургурами открыли, какъ кажется, путь аварамъ къ устьямъ Дуная, гдѣ они вступили въ переговоры съ ромеями; этому предшествовали столкновенія съ антами, сидѣвшими, какъ мы видѣли, въ предстепныхъ областяхъ къ сѣверу отъ Чернаго моря; эти столкновенія, засвидѣ-

---

[1]) Pseudavaroi Θеофилакта Симокаттскаго (Hist. VII, 8); противополагаются настоящимъ аварамъ, о которыхъ подъ 461—465 годами упоминаетъ Прискъ (Excerpta, 14). Настоящіе авары, т. е. племя монгольскихъ жуанъ-жуанъ, были разбиты и уничтожены возставшими турками; псевдоавары были подвластны жуанъ-жуанамъ; послѣ паденія послѣднихъ они, повидимому, подъ предводительствомъ начальниковъ изъ господствовавшаго надъ ними племени жуанъ-жуановъ (т. е. настоящихъ аваровъ), двинулись на западъ. Ср. Howorth въ Journal of the royal asiatic society за 1889 г., 721—724; Marquart, Die Chronologie der alttürk. Inschriften 110; W. Radloff, Das Kudatku Bilik, I, S. LXXII; Chavannes, Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) occidentaux, 229.

тельствованныя византійцами, показываютъ, быть можетъ, что авары не рѣшились двигаться по южно-русскимъ степямъ, избѣгая враждебныхъ дѣйствій противъ кутургуровъ и кочевавшихъ еще дальше болгаръ. Вожди антовъ защищались безъ успѣха, авары опустошили ихъ страну [1]); овладѣніе землею антовъ привело аваровъ къ нижнему Дунаю и въ Добруджу (562 г.). Изъ Добруджи авары вступили въ переговоры съ имп. Іустиніаномъ, требуя себѣ земель для поселенія. Іустиніанъ предлагалъ имъ мѣстность въ бассейнѣ нижняго теченія Савы близъ Сингидуна (Бѣлграда), нѣкогда заселенную германскими герулами, а въ то время ими оставленную. Но авары предпочли остаться въ Добруджѣ, быть можетъ, въ ожиданіи большаго сосредоточенія своихъ силъ; прежде чѣмъ думать о продвиженіи на западъ, авары рѣшили, повидимому, обезпечить свой тылъ покореніемъ ближайшихъ окрестныхъ племенъ. Кромѣ того ихъ могла удержать отъ принятія предложенія Іустиніана боязнь столкнуться съ могущественными лонгобардами, сидѣвшими тогда по сосѣдству съ Посавьемъ, въ Панноніи. Авары обратились къ сѣверу, гдѣ въ бассейнахъ Прута и Днѣстра сидѣли словѣне.

Покореніе словѣнъ привело аваровъ къ истокамъ Вислы, а это открыло имъ путь въ земли западныхъ славянъ, сидѣвшихъ въ современной Чехіи и Моравіи. Дальнѣйшее продвиженіе аваровъ было остановлено франками, австразійская держава которыхъ граничила съ областью, захваченною аварами въ бассейнѣ верхняго теченія Эльбы. Близъ этой рѣки, въ австразійской провинціи Тюрингіи, авары были разбиты вскорѣ послѣ 562 года. Другая встрѣча аваровъ съ австразійскимъ королемъ Сигебертомъ имѣла мѣсто въ 566 году; Сигебертъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ, но авары, быть можетъ, отвлеченные разыгравшимися въ то время на среднемъ Дунаѣ событіями, заключили съ франками миръ. Воспользовавшись враждой лонгобардовъ, сидѣвшихъ въ Панноніи, съ гепидами, занимавшими область между Дунаемъ и Тисой, авары въ союзѣ съ лонгобардами напали на гепидовъ и частью уничтоживъ ихъ, частью покоривъ ихъ своей власти, заняли въ 567 г. ихъ страну. Это привело аваровъ въ неизбѣжныя и длительныя столкновенія съ ромеями. Въ 568 г. авары овладѣли

---

[1]) Менандръ Протекторъ сообщаетъ при этомъ о вступленіи антовъ въ переговоры съ аварами; но авары по совѣту Котрагега (кутругура? Нибуръ исправлялъ Κοτρίγουρος) убили посланнаго антами вождя Мезамира, сына Идаризія, брата Келагастова (Μεζάμηρον τὸν Ἰδαριζίου Κελαγαστοῦ ἀδελφόν), Exc. e Menandri historia, 3. Мезамиръ—можетъ быть Мечимиръ, Келагастъ—Цѣлогостъ (ср. Цѣлодрогъ: Cealadragus rex Wilzorum, Monum. Germ. I, 210); Идаризій, какъ догадывался Шафарикъ (Slov. star., II, 63), представляетъ отечественное имя съ окончаніемъ-ичь.

Панноніей, оставленною лонгобардами, удалившимися въ Италію. Такъ основалось, а затѣмъ и упрочилось господство аваровъ въ области, соотвѣтствующей современной Венгріи.

Авары съ сѣвера, востока и юго-востока оказались окруженными землями славянъ; не подлежитъ сомнѣнію, что эти земли признали господство аваровъ, обложившихъ ихъ данью и покорившихъ ихъ себѣ. Объ этомъ имѣются ясныя свидѣтельства византійцевъ и другихъ европейскихъ писателей. Во-первыхъ, мы узнаемъ изъ нихъ, что южные словѣне совершали набѣги на имперію подъ водительствомъ аваровъ въ качествѣ невольныхъ ихъ союзниковъ; такъ въ 582 году словѣне посылаются аварами во Ѳракію и доходятъ до самой великой стѣны, построенной имп. Анастасіемъ [1]); въ царствованіе имп. Маврикія аварскій ханъ, какъ узнаемъ изъ описанія чудесъ св. Димитрія Солунскаго, „призываетъ къ себѣ все славянское языческое и грубое племя, ибо весь этотъ народъ былъ ему подчиненъ, и, присоединивъ къ нимъ нѣкоторыхъ варваровъ другого происхожденія, онъ отдалъ приказъ всѣмъ имъ идти на богоспасаемую Ѳессалонику“ [2]); въ 593 году видимъ вторженіе ромеевъ въ землю словѣнъ, какъ ближайшихъ союзниковъ и подданныхъ аварскаго кагана [3]); въ 626 году словѣне принимаютъ участіе въ большомъ походѣ аваровъ противъ имп. Ираклія, и т. д. Во-вторыхъ, Фредегаръ въ Historia Francorum, написанной около середины VII столѣтія, въ живыхъ краскахъ изобразилъ характеръ аварскаго ига надъ славянами (вендами), жившими въ предѣлахъ теперешней Чехіи: „уже изъ старины венды употребляются гуннами (аварами) какъ „befulci“, такъ что когда гунны отправлялись въ походъ противъ какого-нибудь народа, сами они становились передъ лагеремъ, а сражаться должны были венды. Если послѣдніе побѣждали, то гунны выходили напередъ, чтобы захватить добычу; если же венды терпѣли пораженіе, то, опираясь на помощь гунновъ, они собирали новыя силы. Поэтому гунны называли ихъ „befulci“, такъ какъ они шли въ сраженіе впереди ихъ и во время схватки испытывали бой съ обѣихъ сторонъ. Каждый годъ гунны приходили къ славянамъ, чтобы провести у нихъ зиму; они брали тогда у славянъ женъ и дѣтей и пользовались ими, и къ довершенію остальныхъ насилій славяне должны были платить гуннамъ дань“ [4]).

---

[1]) Theophyl. Simok. I, 7.
[2]) Чудеса св. Димитрія, см. Ѳ. И. Успенскій, Исторія Виз. имп., I, 476.
[3]) Theophyl. Simok. VI, 6.
[4]) Scriptores rerum Meroving. II, Fredegar, c. 48.

Кромѣ этихъ прямыхъ свидѣтельствъ есть еще нѣкоторыя другія косвенныя указанія на то, что авары властвовали надъ значительною частью славянства. Сюда относится, напр. то значеніе, которое имя аваровъ получило въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ; славяне называли аваровъ обрами, а именно не только южные славяне [1]), но и восточные [2]); въ языкахъ западно-славянскихъ это имя получило значеніе великана, исполина, что указываетъ на то, что съ представленіемъ объ аварахъ соединялось представленіе о суровыхъ насильникахъ, объ одаренныхъ особеннымъ могуществомъ людяхъ [3]). Имѣются данныя, свидѣтельствующія о наличности вліянія нравовъ кочевого пастушескаго народа на господствующіе классы среди нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ древности; такимъ кочевымъ народомъ могли быть именно авары. Такъ въ трудѣ арабскаго писателя персіянина Ибн-Рустэ, составленномъ въ началѣ X вѣка, находимъ описаніе могущественнаго славянскаго государства, управляемаго „княземъ князей" Свет-маликомъ (Святополкомъ), живущимъ въ городѣ „Джервабъ"; описаніе это восходитъ къ старшему источнику, составленному писателемъ Джейхани въ первой половинѣ IX ст.; мы читаемъ у Ибн-Рустэ: „Онъ (т. е. великій князь) имѣетъ верховыхъ лошадей и питается исключительно кобыльимъ молокомъ" [4]). Сообщеніе Вульфстана (конецъ IX в.) о томъ, что въ странѣ эстовъ (прусовъ) король и богатѣйшіе люди употребляютъ кобылье молоко, между тѣмъ какъ бѣдные и рабы пьютъ медъ [5]), могло-бы свидѣтельствовать о томъ, что аварское вліяніе доходило до Балтійскаго моря; оно подтверждается такимъ же свидѣтельствомъ о прусахъ вообще у Адама Бременскаго [6]).

Допуская культурное вліяніе аваровъ на славянъ, можно принять во вниманіе слѣдующее замѣчаніе Ѳ. И. Успенскаго: „Хотя авары не имѣли культуры и не вышли изъ первичныхъ стадій родового быта, но имъ нельзя отказать въ значительномъ развитіи военнаго

---

[1]) Какъ видно изъ древнеболгарскаго перевода хроники Амартола, изъ житія св. Кирилла, изъ Златоструя и нѣкот. друг. памятниковъ.

[2]) Ср. русскую лѣтопись.

[3]) Ср. чешское obr, словацкое obor, obrín, верхнелуж. hobr, польск. древнее и діалектическое obrzym, вмѣсто чего теперь обычною формой является (подъ вліяніемъ той или иной аналогіи) olbrzym.

[4]) Д. А. Хвольсонъ, „Извѣстія о хазарахъ, буртасахъ и пр. Ибнъ-Даста", с. 32; Marquart, Osteurop. und ostasiat. Streifzüge, 468; J. Peisker, The expansion of the slavs во II томѣ The Cambridge medieval history, с. 432.

[5]) King Alfred's anglo-saxon version ot the history by Orosius, by J. Bosworth, I, ch. 20.

[6]) Adam, IV, 18; отсюда то же извѣстіе у Гельмольда, I, 1.

сословія и военнаго дѣла; благодаря этимъ преимуществамъ они безъ труда получили преобладаніе надъ славянами, которые сдѣлались ихъ данниками и военными союзниками“ [1]).

Въ исторической литературѣ указывалось не разъ на то значеніе, которое имѣли авары для территоріальнаго распространенія славянъ; весьма вѣроятно, что овладѣніе славянами Балканскаго полуострова и Пелопонеса совершилось при дѣятельной поддержкѣ и подъ руководствомъ аваровъ, но я сомнѣваюсь, чтобы аварамъ были обязаны тѣ передвиженія славянскихъ племенъ, о которыхъ изслѣдователи заключаютъ на основаніи общихъ племенныхъ названій въ разныхъ частяхъ славянскаго міра. Такъ напр. наличность Дреговичей, Смолянъ, Сѣверянъ, Дулѣбовъ съ одной стороны въ Россіи, а съ другой на Балканскомъ полуостровѣ, въ Панноніи (Сѣверяне) и Чехіи (Дулѣбы), не даетъ основанія предполагать, чтобы авары переселили названныя племена въ извѣстныхъ ихъ частяхъ съ востока на западъ, изъ бассейна Днѣпра въ бассейны Вардара, Струмы, Дуная, Эльбы и др. Сходныя племенныя названія могли быть вынесены и восточными, и южными, и западными славянами изъ общей ихъ прародины.

Обращаясь къ главной задачѣ настоящей главы, къ изслѣдованію вопроса объ отношеніяхъ аваровъ къ восточнымъ славянамъ, замѣчу прежде всего, что, какъ указано, наличность на югѣ и западѣ Европы одноименныхъ съ восточно-славянскими племенъ не можетъ служить доказательствомъ порабощенія восточнаго славянства аварами. Отношенія восточныхъ славянъ къ аварамъ опредѣляются слѣдующими данными. Анты, какъ мы видѣли, оказали аварамъ сопротивленіе во время движенія послѣднихъ къ границамъ имперіи, но сопротивленіе ихъ было сломлено. Однако удаленіе аваровъ сначала въ Добруджу, затѣмъ въ Паннонію дало антамъ возможность освободиться отъ аварскаго владычества. Объ этомъ заключаемъ изъ сообщеній о союзныхъ отношеніяхъ антовъ съ ромеями, завязавшихся для отраженія общаго врага, аваровъ. Къ 586—588 годамъ относится слѣдующее извѣстіе Іоанна Ефесскаго, современника Маврикіева царствованія, сохранившееся въ хроникѣ Михаила Сирина XII вѣка: пришедшіе съ крайняго востока авары въ союзѣ съ западнымъ народомъ словѣнами, а также лонгобардами напали на ромеевъ, отняли у нихъ два города и вторглись въ ихъ страну; словѣне грабили и опустошали города. „Тогда ромеи побудили народъ антовъ (Antīō) напасть на страну словѣнъ; они овладѣли ею и опустошили ее, вывезли изъ нея богатство и предали ее огню; страна словѣнъ лежитъ на западъ отъ рѣки, называемой Dōnabīs“. Словѣне отвѣтили новымъ нападеніемъ на им-

[1]) Исторія Визант. имперіи, I, 468.

перію и взятіемъ города Анхіала [1]). Позже, въ 602 году, какъ читаемъ у Өеофилакта Симокатскаго, ромеи были въ союзныхъ отношеніяхъ съ антами; когда ими. Маврикій выступилъ противъ словѣнъ, аварскихъ союзниковъ, хаганъ послалъ противъ антовъ своего военачальника Апсиха, съ порученіемъ ихъ уничтожить. Въ это время многіе изъ аваровъ присоединились къ ромеямъ; каганъ испугался этого и сталъ придумывать средства къ тому, чтобы вернуть отступившихъ отъ него [2]). Неизвѣстно, удалось-ли Апсиху исполнить возложенное на него хаганомъ порученіе: указанныя осложненія могли помѣшать Апсиху, но весьма замѣчательно, что послѣ 602 года источники уже ничего не сообщаютъ объ антахъ.

Можно было бы думать, что анты были покорены и порабощены аварами. Какъ будто прямое свидѣтельство объ этомъ находимъ въ русской лѣтописи. Авары (Обры), читаемъ мы въ ней, воевали со славянами и покорили себѣ племя дулѣбовъ; авары жестоко обходились съ дулѣбами и мучили ихъ, запрягали дулѣбскихъ женщинъ въ телѣги и заставляли ихъ возить себя. „Авары—продолжаетъ лѣтописецъ—были велики тѣломъ, а умомъ горды, и Богъ уничтожилъ ихъ; всѣ они перемерли, и не осталось ни одного авара; и есть на Руси пословица и до сего дня: погибли какъ авары,—говорятъ о тѣхъ, кто не оставилъ по себѣ ни племени, ни наслѣдія“. Дулѣбы были однимъ изъ восточнославянскихъ (русскихъ) племенъ. [3]).

[1]) См. Нидерле, Slov. star. II, 213; Marquart, l. c., 480—485; М. Грушевскій, Кіевская Русь, I, 216.

[2]) Theophyl. VIII, 5 (по изданію de-Boor'a); то же у Өеофана (I, 284 по изд. de-Boor'a). Едва-ли можно думать о возстаніи аваровъ противъ хагана; скорѣе дѣло идетъ о словѣнахъ, въ страну которыхъ ворвались ромеи.

[3]) Вестбергъ (Ibrâhîm's-Ibn-Jàkûb's Reisebericht über die Slawenlande въ Зап. Имп. Ак. Наукъ, 8-я серія, т. III, № 4, с. 132), а также и другіе ученые высказали предположеніе о томъ, что сообщеніе русской лѣтописи о дулѣбахъ, покоренныхъ аварами, относится не къ русскимъ дулѣбамъ, а къ чешскимъ dudlěbi, основателямъ чешскаго государства, объ отношеніи которыхъ къ аварамъ говоритъ Фредегаръ (см. выше). Такое предположеніе могло бы найти себѣ опору въ томъ, что сообщенія русской лѣтописи объ единствѣ славянства и разселеніи южныхъ и западныхъ славянъ восходятъ по всей видимости къ статьѣ „О происхожденіи славянской грамоты“, составленной не на Руси, а на западѣ кѣмъ-либо изъ учениковъ св. Меѳодія. Тѣмъ не менѣе отвергаю эту догадку о дулѣбахъ, во-первыхъ потому, что лѣтопись знаетъ русское племя дулѣбовъ (о чемъ скажемъ ниже, въ слѣд. главѣ), во-вторыхъ потому, что лѣтопись тутъ-же ссылается на пословицу, жившую на Руси. Дулѣбами называлось славянское племя, населявшее Чехію (Dudlebi у Козмы пражскаго, Doudleby названіе двухъ мѣстностей въ современной Чехіи, гдѣ находимъ еще Doudlebičky и Doudlebce). Лелевель особенно настаивалъ на томъ, что эти дулѣбы переселились съ Волыни, отмѣчая рядъ общихъ геогр. названій въ мѣстности на востокъ отъ Молдавы, на югъ отъ Сазавы въ Чехіи и въ бассейнахъ Днѣстра и Припяти на Волыни

Это сообщеніе лѣтописца, если допустить, что дѣло идетъ о покореніи антовъ аварами въ VII вѣкѣ, относилось бы къ двумъ разнымъ моментамъ жизни восточныхъ славянъ: къ древнѣйшему моменту относилось бы покореніе ихъ аварами, къ позднѣйшему—гибель аваровъ, ихъ исчезновеніе. Лѣтопись какъ будто сближаетъ эти моменты едва-ли не безъ основанія. И это самое обстоятельство ведетъ къ предположенію, что дѣло идетъ не о покореніи всего племени антовъ въ VII в., а о покореніи именно дулѣбовъ въ концѣ VIII в. или началѣ IX в., передъ самымъ паденіемъ аварскаго могущества. Не признавая поэтому извѣстія русской лѣтописи свидѣтельствомъ о покореніи антовъ аварами, я могъ бы привести въ пользу такого завершенія борьбы антовъ съ аварами, въ пользу господства аваровъ надъ антами только нѣсколько общихъ соображеній: авары не могли бы помириться съ самостоятельностью антовъ, въ виду, во-первыхъ, союзническихъ отношеній, въ которыя анты стали входить съ ромеями, во-вторыхъ того, что свободные анты могли бы, съ одной стороны, задержать притокъ къ аварамъ союзниковъ съ востока [1]), а съ другой могли бы способствовать продвигавшимся съ востока туркамъ, могущественнымъ противникамъ аваровъ; въ-третьихъ, свобода и самостоятельность антовъ была бы постоянною угрозой для аваровъ, поработителей другихъ славянъ. Авары нашли въ себѣ достаточную силу для того, чтобы покорить своей власти болгаръ, сидѣвшихъ къ югу отъ антовъ; болгары-оногундуры только въ 635 году свергли съ себя аварское иго и заключили союзъ съ ромеями; тѣмъ естественнѣе предположить, что и анты не могли удержать своей самостоятельности въ эпоху наибольшаго развитія аварскаго могущества. Далѣе: само собою напрашивается сравненіе тѣхъ условій, которыя переживали анты во второй половинѣ VI вѣка, съ условіями, пережитыми въ IV—V вв. остроготами, занимавшими отчасти тѣ самыя области, что анты; гунны покорили остроготовъ своему владычеству, и остроготы до самой смерти Аттилы оставались въ южной Россіи; покореніе антовъ аварами могло точно такъ же

и въ вост. Галиціи (Lelewel, Géographie du moyen âge. III—IV, p. 37—38). Но дулѣбы жили и въ нижней Панноніи: Dudleipa, Dudleipin, между озеромъ Блатномъ и рѣкой Мурой; также въ Хорутаніи на верхней Дравѣ: in loco Duliep. Ср. Niederle, Slov. star. II, 369—370; Marquart, l. c., 125. Вѣроятно, что дудлѣбы, откуда фонетически дулѣбы въ русскомъ языкѣ и южнослав. нарѣчіяхъ, этническое имя, вынесенное славянами изъ общей прародины. Dûlâba у Мас'уди (Гаркави, Сказанія и т. д., Marquart, l. c., 103) соотвѣтствуетъ чешскимъ дудлѣбамъ.

[1]) Ср. прибытіе къ нимъ въ 598 году племенъ Тарніахъ и Коцагировъ съ востока, гдѣ ихъ тѣснили турки.

удержать антовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они сидѣли въ первой половинѣ VI вѣка и гдѣ мы видимъ ихъ позже, въ IX вѣкѣ; слѣдовательно, самый фактъ удержанія антами старой территоріи между Днѣстромъ и Днѣпромъ не можетъ служить возраженіемъ противъ покоренія ихъ аварами. Наконецъ, еще одно соображеніе: изъ предыдущаго слѣдуетъ, что анты отдѣлились отъ словѣнъ не раньше первой четверти VI вѣка; съ этого времени начинается отдѣльная жизнь русскаго племени; въ IX вѣкѣ мы видимъ его разселившимся на огромномъ пространствѣ; такому разселенію должно было предшествовать продолжительное сожительство на болѣе или менѣе ограниченной территоріи, ибо только такое сожительство можетъ намъ объяснить, какъ могъ развиться тотъ общерусскій праязыкъ, существованіе котораго предполагаютъ всѣ современныя русскія нарѣчія; этотъ языкъ до своего распаденія успѣлъ значительно видоизмѣниться по сравненію съ языкомъ прочихъ славянъ; можно указать до двадцати звуковыхъ явленій, отличающихъ общерусскій праязыкъ отъ языка общеславянскаго. Отсюда, мнѣ кажется, слѣдуетъ, что восточное славянство, въ VI вѣкѣ зашедшее далеко за Днѣпръ, должно было впослѣдствіи сжать свою территорію; я поставилъ бы отходъ восточнаго славянства съ востока въ бассейнъ средняго теченія Днѣпра въ связь съ тѣми тревожными условіями, которыя были вызваны передвиженіями турецкихъ племенъ на юговостокѣ Россіи; сожительство всего восточнаго славянства въ тѣсной области, ограниченной Днѣстромъ и среднимъ теченіемъ Днѣпра, должно было быть продолжительнымъ; опредѣляемъ его по крайней мѣрѣ двумя столѣтіями (VII и VIII). Въ указанныхъ предѣлахъ единство восточнаго славянства могло удерживаться внутреннею или внѣшнею политическою силой; болѣе вѣроятнымъ представляется думать о внѣшней силѣ, а именно о зависимости отъ аварской державы, подобно тому, какъ позже, въ IX вѣкѣ, такою же объединяющею часть восточнаго славянства силой былъ хазарскій хаганатъ. Аварскій хаганъ могъ управлять восточными славянскими племенами посредствомъ своего тудуна, сидѣвшаго въ томъ или иномъ мѣстномъ центрѣ. Зависимость восточнаго славянства отъ аваровъ была въ общемъ, какъ кажется, слабѣе той зависимости, какую испытали нѣкоторыя южнославянскія и западнославянскія племена.

Въ исторіи паденія аварскаго хаганата видимъ еще новыя данныя для сдѣланныхъ выше заключеній относительно политической зависимости отъ аваровъ южнаго, западнаго и восточнаго славянства.

Ослабленіе аварскаго могущества началось приблизительно во второй четверти VII столѣтія, послѣ великаго пораженія, нанесен-

наго аварамъ ромеями въ 626 году подъ стѣнами Константинополя; выше указано на сверженіе болгарами аварскаго ига въ 635 году; около 630 года противъ аваровъ возстали чешскіе славяне подъ предводительствомъ Само, основавшаго союзъ славянскихъ племенъ и могущественное государство; государство это включило въ свой составъ и чешскихъ и моравскихъ славянъ; основаніе славянскихъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ, нашедшихъ поддержку въ имперіи, ослабило аваровъ и на югѣ. Однако авары держались еще долго; имъ грозила опасность съ юга и въ особенности съ запада; но сѣверо-востокъ и востокъ оставались имъ покорны. Во второй половинѣ VIII вѣка могущественный ростъ франкской монархіи привелъ ее въ столкновеніе съ аварами. Начало было положено включеніемъ Баваріи въ составъ владѣній Карла Великаго (788 г.), оказавшихся такимъ образомъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ аварскимъ хаганатомъ.

Въ 791 году былъ предпринятъ Карломъ первый походъ въ землю аваровъ; четыре арміи ворвались въ ихъ владѣнія; одна изъ нихъ шла изъ Италіи подъ предводительствомъ Карлова сына Пипина; эта италіанская армія первая нанесла аварамъ страшное пораженіе въ Панноніи; авары бѣжали передъ тремя другими арміями, одною изъ которыхъ предводительствовалъ самъ Карлъ; но этотъ походъ не далъ рѣшительнаго результата. Въ 795 г. Карлъ двинулъ въ Паннонію свою армію изъ Фріула; авары должны были сдать свой главный станъ (хрингъ); въ томъ же году Пипинъ вторгся и въ восточныя части Панноніи. Затѣмъ слѣдовали еще походы, имѣвшіе цѣлью закрѣпить покорность аваровъ и потушить ихъ возстанія: таковы походы 799 и 802—803 годовъ; въ 805 году аварскій хаганъ принялъ крещеніе и изъявилъ покорность Карлу Великому. Разгромъ аварской державы сопровождался уничтоженіемъ самаго племени. Въ послѣдній разъ западные хроникеры упоминаютъ объ аварахъ, какъ о самостоятельной народности, въ 826 году.

Нѣкоторыя данныя свидѣтельствуютъ о раздробленіи и разселеніи аваровъ, вызванномъ ихъ столкновеніями съ западными и южными сосѣдями и прежде всего съ державой Карла Великаго. Такъ Константинъ Багрянородный сообщаетъ, что аваровъ въ извѣстной части ихъ одолѣли хорваты и истребили часть аваровъ, а другихъ заставили покориться: „Итакъ съ тѣхъ поръ страна эта осталась за хорватами". „И въ настоящее время существуютъ въ Хорватіи остатки аваръ и они признаются аварами"[1]). Возможно, что авары, тѣснимые франками, должны были покинуть свою страну, удаляясь на

[1]) De administr. imperio, cap. 30; въ русск. переводѣ Г. Ласкина, с. 119.

сѣверо-востокъ и востокъ; свидѣтельствомъ такого ихъ движенія могутъ быть названія населенныхъ и ненаселенныхъ мѣстъ, которыя находимъ въ прусской Польшѣ, въ Царствѣ Польскомъ, а также въ Бѣлоруссіи. Значеніе этихъ названій было оцѣнено профессоромъ А. Л. Погодинымъ, хотя онъ и не поставилъ ихъ въ связь съ возможностью бѣгства аваровъ изъ Подунавья [1]). Многочисленность этихъ названій даетъ полное основаніе предполагать, что авары потянулись на сѣверовостокъ значительными массами, осѣдая среди ляховъ. Это обстоятельство естественно выдвигаетъ мысль о томъ, что такой напоръ аваровъ могъ вызвать движеніе среди ляшскихъ племенъ. Въ русской лѣтописи содержится свидѣтельство о ляшскомъ происхожденіи радимичей, жившихъ въ бассейнѣ верхняго теченія Днѣпра, въ совр. Могилевской губ., и вятичей въ бассейнѣ Оки, въ совр. Рязанской губерніи [2]). Ставлю въ связь появленіе радимичей и вятичей въ сѣверномъ Заднѣпровьѣ и въ бассейнѣ Оки съ вынужденнымъ движеніемъ аваровъ и отношу это переселеніе ляшскихъ племенъ къ первой половинѣ IX вѣка. Русская лѣтопись не могла связать движенія радимичей и вятичей съ запада на востокъ со вторженіемъ разбитыхъ

---

[1]) Рецензія на трудъ Нидерле O kolébce národa slovanského въ Изв. Отд. р. яз. и сл. IV, 1504—1405; „Изъ исторіи слав. передвиженій", 60—61. Погодинъ указалъ на упоминаемое Мономахомъ селеніе „Оброво" въ Переяславской области. Другія названія относятся къ указаннымъ выше областямъ, поражая своею многочисленностью. Останавливаюсь только на этимологически вполнѣ ясныхъ названіяхъ. Въ прусской Польшѣ: Obrowiec (въ актѣ 1454 г. Obrowitz) въ округѣ верхнестрелицкомъ; Obrowo въ округѣ самотульскомъ; Obrowo (Wobbrow-See) озеро въ округѣ бытовскомъ; Obrowo (нѣм. Abrau) въ округѣ тухольскомъ; Obrówko (упомин. въ 1368 г., теперь не существуетъ) селеніе на границахъ округовъ тухольскаго и хойницкаго; Obra—лѣвый притокъ Варты; Obra—правый притокъ Обрицы, впадающей въ Одру (на нихъ одноименныя селенія); Obrzyca—правый притокъ Одры; Obrzyca селеніе въ познанскомъ округѣ; Obrzycko селеніе въ самотульскомъ округѣ (основано въ 1100 году). Въ Царствѣ Польскомъ: Obrów въ велюнскомъ у. Калишской губерніи; Obrówiec въ грубешовскомъ уѣздѣ Люблинской губерніи, Obrowiec тамъ же, Obrowo въ липновскомъ уѣздѣ Плоцкой губерніи, Obrówka въ яновскомъ у. Люблинской губерніи; весьма любопытны Obromeszkinie (sic) и Obromżyle въ владиславск. у. Сувалкской губ. Въ Западной Россіи: Оброво—два селенія въ пинскомъ у. Минской губ., Обровска-Вулька въ кобринскомъ у. Гродненской губ. Въ Чехіи находимъ только одну мѣстность, связанную съ именемъ Обровъ: Obrovice (Wobern).

[2]) „Радимичи были отъ рода ляховъ; переселившись, они сѣли здѣсь" (т. е. на р. Пищанѣ, притокѣ Сожи), говоритъ лѣтописецъ подъ 884 г.; „радимичи и вятичи произошли отъ ляховъ; было два брата въ странѣ ляховъ: Радимъ сѣлъ на Сожи, и прозвались они радимичами, а Вятко сѣлъ со своимъ родомъ на Окѣ, отъ него они прозвались вятичами", читаемъ мы въ вводной статьѣ къ Повѣсти вр. лѣтъ. Въ слѣдующей главѣ укажу вѣроятную область древнѣйшаго разселенія вятичей и приведу еще доказательства ихъ ляшскаго происхожденія.

Карломъ Великимъ аваровъ въ ляшскую область. Но передвиженіе одного изъ русскихъ племенъ—дулѣбовъ она поставила въ прямую связь со вторженіемъ аваровъ. Выше указанъ текстъ этого преданія; несомнѣнно, что оно записано не полно; въ записи опущено указаніе на послѣдовавшее въ результатѣ аварскихъ насилій выселеніе дулѣбовъ; между тѣмъ лѣтописецъ зналъ объ этомъ ихъ выселеніи, ибо въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ у него: „дулѣби же живяху по Бугу, къде нынѣ велыняне". Очевидно, дулѣбы ушли съ Волыни, не выдержавъ аварскаго гнета, и ушли они, судя по даннымъ географической номенклатуры, къ сѣверу, въ область Припяти и дальше, въ бассейнъ Западной Двины и рѣки Великой: ср. названія селеній „Дулѣбы", съ одной стороны, въ области первоначальнаго ихъ поселенія на Волыни и Галиціи, а съ другой, въ Минской и Псковской губ. [1]).

Такимъ образомъ передвиженіе одного изъ крупныхъ южныхъ племенъ — дулѣбовъ вызвано нашествіемъ аваровъ. Можно думать, что все вообще разселеніе восточныхъ славянъ и ляховъ (послѣднихъ въ лицѣ радимичей и вятичей) въ предѣлахъ Россіи пошло отъ того удара, который былъ нанесенъ съ запада аварами, отступавшими передъ войсками Карла Великаго.

Русская лѣтопись сохранила преданіе о томъ, что разселеніе славянъ, сидѣвшихъ будто раньше на Дунаѣ, вызвано вторженіемъ въ ихъ земли волоховъ. Славяне, читаемъ мы, поселились сначала на Дунаѣ, гдѣ теперь Венгерская земля и Болгарская; но когда на дунайскихъ славянъ напали волохи, славяне разошлись по разнымъ странамъ. Подъ волохами составитель разсказа о разселеніи славянъ разумѣлъ несомнѣнно франковъ Карла Великаго; это ясно изъ контекста, ибо сожительство славянъ съ волохами, господство послѣднихъ надъ дунайскими славянами смѣняется господствомъ угровъ (мадьяръ). Укажу ниже, чѣмъ именно могло быть вызвано такое со-

---

[1]) Дулѣбы въ острожскомъ уѣздѣ Волынской губ., въ боброкскомъ, стрыйскомъ и бучацкомъ повѣтахъ; Дулебы въ игуменскомъ уѣздѣ Минской губерніи, Дулебно въ бобруйскомъ уѣздѣ, Дулебы въ островскомъ уѣздѣ Псковской губ., Дулеба названіе рѣчки, притока Ольсы, впадающей въ Свислочь, Дулѣбка притокъ Нессты, притока Ольсы (въ Минской губ.). Дальше на востокъ находимъ Дулебино въ каширскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. Любопытное преданіе записано въ Дулебахъ игуменскаго уѣзда о нашествіи иноплеменнаго народа и о битвѣ при рѣкѣ Дулебѣ (вар. Dulęba, какъ при Дулѣбка-Дулябня), послѣ которой боги обратили обоихъ сразившихся при этомъ королей въ камни за то именно, что битва произошла въ праздничный день Купалы (см. Słownik geograficzny, s. v. Duleba).

общеніе лѣтописи, но преданіе о связи франкскаго вторженія въ славянскія земли съ разселеніемъ славянъ могло быть поддержано на Руси преданіемъ о переселеніи радимичей и вятичей, вызвавшемъ, какъ можно думать, движеніе и среди восточныхъ славянъ.

Самая мысль о томъ, что разселеніе всѣхъ славянъ вообще началось вслѣдствіе появленія на Дунаѣ волоховъ имѣетъ, какъ кажется, своимъ основаніемъ тотъ фактъ, что политическое раздробленіе значительной части славянства, раньше объединеннаго аварскимъ владычествомъ, началось со времени появленія на Дунаѣ франковъ Карла Великаго. Сосѣдство именно съ Карловой монархіей вызвало въ многихъ славянскихъ племенахъ стремленіе къ политической самостоятельности; имя Карла стало синонимомъ носителя высшей государственной власти почти во всѣхъ славянскихъ языкахъ и перешло въ нихъ со значеніемъ царя [1]. Говоря о Карлѣ Великомъ, Константинъ Багрянородный замѣчаетъ: „Въ его дни ни одинъ изъ другихъ правителей не смѣлъ называть себя царемъ, но всѣ были у него въ подчиненіи“ [2].

Возможность заимствованія общаго слова славянскими племенами въ IX вѣкѣ, раздробленными и далеко другъ отъ друга разошедшимися, показываетъ, что между ними была культурная и политическая связь, основывавшаяся вѣроятно на висѣвшемъ надъ ними общемъ владычествѣ аваровъ. Болгары получили начало государственности изъ Византіи: слово краль почти не употребляется въ древнеболгарскихъ памятникахъ [3]. Лужичане не получили возможности основать свою политическую самостоятельность: у нихъ нѣтъ своего лужицкаго соотвѣтствія общеславянскому korlь (верхнелуж. kral, нижнелуж. kral, заимствованы изъ чешскаго); не было его также у полабскихъ славянъ, стоявшихъ въ сторонѣ отъ общей жизни славянства; наличность соотвѣтствій имени Korlь для означенія царя въ языкѣ сербовъ и хорватовъ, чеховъ, поляковъ и русскихъ показываетъ, что всѣ они въ

---

[1]) Сербско-хорв. kralj, словенское kralj, чешско-словацк. král, польск. król, русск. король представляются измѣненіемъ одного общаго слова korlь, т. е. имени Карла Великаго.

[2]) Const. Porphyr. De adm. imp., cap. 26.

[3]) Находимъ его въ житіи св. Меѳодія, гдѣ упоминаются, „моравьскыи краль“ и „оугърьскыи краль“; по вѣроятной догадкѣ А. Брюкнера это позднѣйшія поправки вмѣсто „краль“, какъ обозначенъ въ житіи сначала Людовигъ нѣмецкій, а потомъ имп. Карлъ III, посѣтившій дунайскія страны осенью 884 года (A. Brückner, Die Wahrheit über die Slavenapostel, SS. 70-71, 94-95). Въ русскомъ хронографическомъ сборникѣ, извѣстномъ подъ именемъ Еллинскаго лѣтописца, находимъ слово краль для обозначенія Аттилы, о которомъ сообщается легенда несомнѣнно западнославянскаго происхожденія.

своей политической жизни стояли въ томъ или иномъ отношеніи къ монархіи Карла Великаго. Паденіе аварскаго владычества, какъ мы видѣли, отразилось въ русской пословицѣ; хотя государственная жизнь восточнаго славянства началась не подъ тѣми вліяніями, которыя шли съ нѣмецкаго запада, но конечно зарожденіе ея стоитъ въ прямой зависимости отъ сокрушенія аварской державы Карломъ Великимъ.

ГЛАВА III.

Разселеніе восточныхъ славянъ.

Мы видѣли, какъ скудны наши свѣдѣнія о жизни и движеніяхъ восточнаго славянства въ VI—VIII вѣкахъ. Болѣе опредѣленныя данныя восходятъ къ IX вѣку; эти послѣднія есть возможность связать съ тѣмъ, что мы знаемъ о восточномъ славянствѣ въ историческую эпоху его жизни, которая начинается съ X вѣка. Въ мою задачу не можетъ входить исчерпывающій анализъ данныхъ объ этнографическомъ составѣ восточнаго славянства въ IX—X в.; тѣмъ не менѣе нѣкоторымъ общимъ выводамъ относительно хода разселенія славянскихъ племенъ въ предѣлахъ современной Россіи я долженъ предпослать обозрѣніе тѣхъ осязательныхъ фактовъ, которые могутъ быть извлечены какъ изъ нашихъ лѣтописей, такъ и изъ другихъ источниковъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ выдающихся источниковъ иноземныхъ. Въ основаніе обозрѣнія кладу данныя той лѣтописи, которая носитъ названіе Повѣсти вр. лѣтъ или лѣтописи преп. Нестора (составлена около 1112 года).

Наша лѣтопись сообщаетъ не только точныя свѣдѣнія, основанныя на личныхъ наблюденіяхъ лѣтописцевъ и ихъ современниковъ, но также и данныя, извлеченныя изъ живыхъ народныхъ преданій или припоминаній. По этимъ сообщеніямъ можно начертать предѣлы распространенія восточнаго славянства въ XI вѣкѣ, а также возстановить нѣкоторыя болѣе древнія отношенія, стертыя и видоизмѣненныя ко времени составленія лѣтописи. Названныя Несторомъ славянскія племена, обитавшія въ X—XI вѣкѣ Россію, сидятъ: въ бассейнахъ Днѣпра и его большихъ притоковъ, Припяти, съ одной стороны, Десны и Семи, съ другой; въ бассейнахъ Западнаго Буга, Южнаго Буга и Днѣстра; въ бассейнахъ верхнихъ теченій Западной Двины и Волги; въ бассейнахъ Ильменскаго озера и Волхова; наконецъ, въ бассейнѣ Оки

Въ бассейнѣ Днѣпра, а именно средняго его теченія, находимъ *Полянъ* съ ихъ городомъ Кіевомъ; можно думать, что Поляне сидѣли

только на правомъ берегу названной рѣки, при чемъ южная ихъ граница доходила до рѣки Роси; именемъ своимъ Полянамъ (жителямъ поля, степи) противополагаются *Деревляне, Древляне* (жители лѣсовъ; у Конст. Багр. Δερβλενίνοι, гл. 37, Βερβιάνοι вм. Δερβιάνοι, гл. 9) [1]), ихъ сосѣди къ сѣверу, занимавшіе лѣсныя пространства между правобережнымъ предстепьемъ (землею полянъ) и Припятью, сидѣвшіе, слѣдовательно, на сѣверѣ совр. Кіевской губерніи, а также въ губерніи Волынской (бассейны притока Днѣпра, Тетерева, и притоковъ Припяти: Уша, Славечны и Уборти); ихъ городами были Искоростень, Вручій (Овручъ). На лѣвомъ берегу Днѣпра по Сулѣ, Семи и Деснѣ сидѣли *Сѣверъ, Сѣверяне* (у Конст. Багр. Σέρβιοι, гл. 9), съ городами Переяславлемъ, Новгородомъ Сѣверскимъ, Курскомъ, Черниговомъ. Ихъ восточныя поселенія доходили до Донецкаго бассейна, что видно изъ названія рѣки Донца—сѣверскимъ (Donetz Sewerski cognomen quod in Sewera oriatur: Карта Герг. Меркатора 1595 года). За Припятью до самой Западной Двины жили *Дреговичи* (у Конст. Багр. Δρουγουβιταί, гл. 9), съ городами Слуцкомъ и Клецкомъ (Ипат. подъ 1159 г.), а также Друцкомъ.

Къ сѣверу отъ Сѣверянъ, между верхнимъ теченіемъ Днѣпра и Сожемъ, лѣтописецъ знаетъ *Радимичей*, двукратно отмѣчая, какъ мы видѣли, ихъ ляшское происхожденіе (см. ниже). Восточныя ихъ поселенія опредѣляются сообщеніемъ лѣтописи, что князь Владиміръ Мстиславичъ бѣжалъ въ 1169 г. отъ Дорогобужа въ Суздаль черезъ землю Радимичей. Еще сѣвернѣе сидятъ *Кривичи* (у Конст. Багр. Κριβιτζοί, гл. 9, Κριβηταιηνοί, тамъ же) съ городомъ Смоленскомъ Ихъ поселенія простирались далеко на сѣверозападъ въ бассейны Зап. Двины и рѣки Великой, что видно изъ позднѣйшихъ лѣтописей, называющихъ псковскій городъ Изборскъ городомъ кривичей, а также и изъ того обстоятельства, что имя кривичей въ формѣ Kreews обозначаетъ въ языкѣ латышей вообще русскихъ и что поселеніе Кривичи имѣется въ уѣздѣ Виленской губерніи.

Въ бассейнѣ Западной Двины лѣтописецъ кромѣ кривичей (которые живутъ „на верхъ Двины") знаетъ *Полочанъ* на притокѣ Двины Полотѣ, съ городомъ Полотскомъ, а къ югу, какъ указано выше,— дреговичей; полочане были отраслью кривичей, что видно изъ лѣто-

---

[1]) Противоположеніе полянъ древлянамъ напоминаетъ противоположеніе готскихъ грейтунговъ тервингамъ; древлянамъ соотвѣтствуютъ современные полѣшуки. Таково же противоположеніе древлянъ (жителей Деревской Новгородской пятины) полянамъ (жителямъ Новоторжскаго совр. уѣзда), о которыхъ сообщаетъ житіе Ефрема Новоторжскаго.

писи подъ 862 г. („въ Полотскѣ кривичи“), и въ названіи полотскихъ князей—кривичскими (въ лѣтописяхъ подъ 1129, 1140, 1162 г.) [1]).

Въ бассейнѣ Ильменя и Волхова сидѣли *Словѣне* съ городомъ Новгородомъ.

Въ бассейнѣ Волги, а именно верхняго ея теченія, жили кривичи.

Въ бассейнѣ Оки лѣтописецъ помѣщаетъ *Вятичей*, занимавшихъ, повидимому, верхнее и среднее ея теченіе; позднѣйшіе лѣтописцы отождествляютъ вятичей съ рязанцами. Не сомнѣваюсь, что Vantît у Гардизи (Гурдези) соотвѣтствуетъ вятичамъ. Изъ ряда достовѣрныхъ свидѣтельствъ видно, что вятичи въ XII вѣкѣ населяли и Калужскую губернію [2]).

Въ бассейнѣ верхняго теченія Западнаго Буга, а также правыхъ притоковъ Припяти сидѣли *Бужане*, называвшіеся послѣ *Волыняна-ми* („Бужане, занеже сѣдоша по Бугу, послѣже Велыняне“). Раньше здѣсь жили *Дулѣбы*, какъ объ этомъ ясно говоритъ лѣтописецъ („Дулѣби же живяху по Бугу, къде нынѣ Велыняне“); какъ мы видѣли, дулѣбы выселились (въ концѣ VIII или началѣ IX в.) въ области за Припятью и поселились вмѣстѣ съ дреговичами [3]).

Въ бассейнѣ Днѣстра лѣтописецъ называетъ *Уличей* и *Тиверцевъ* („а Уличи и Тиверцы сидѣли по Днѣстру и доходили до Дуная“). Впрочемъ, тутъ же лѣтописецъ прибавляетъ: „Они сидѣли *прежде* по Богу и Днѣпру даже и до моря, и имѣются (тамъ) ихъ города и до нынѣшняго дня“ [4]).

---

[1]) Сомнительно, чтобы Весь называлась Кривической; въ извѣстномъ мѣстѣ лѣтописи, гдѣ новгородцы говорятъ, что Владиміръ крестилъ всѣ земли наши: „Рускую, и нашу Словѣнскую, и Мерску, и Кривичску Весь, рекше Бѣлозерскую, и Муромъ“ (Воскр. лѣт. VIII, 160), надо поставить запятую послѣ Кривичску.

[2]) Св. Кукша, убитый вятичами въ 1110 году; преданіе сообщаетъ, что онъ убитъ на р. Серенѣ, близъ Серенска, Калужской губ. (С. К. Кузнецовъ).

[3]) Неясно, какому племени соотвѣтствуютъ Λενζενίνοι, Λενζανίνοι Константина Багрянороднаго. Первые (гл. 9) названы вмѣстѣ съ кривичами, какъ сидящіе выше, сѣвернѣе Кіева; вторые (гл. 37) названы вмѣстѣ съ уличами и древлянами, какъ сосѣдящіе съ печенѣгами и сидящіе, слѣдовательно, южнѣе Кіева. Отождествлять ихъ съ лучанами невозможно; звукъ „у“ въ Луцкъ не восходитъ къ носовому—о-лучане это жители Луцка. Ср. у Длугоша: Dulebianie a Duce eorum Duleba vocitabantur, qui postea Wolhanye sunt et nunc Luczanie appelati sunt. Еще загадочнѣе славянское племя Lûdhâna у Масуди; Лелевель (l. c., p. 48) и др. отождествляли его съ лучанами, но едва ли лучане были выдающимися торговцами, какъ опредѣляетъ названное племя Масуди; Марквартъ послѣ сильныхъ колебаній остановился на предположеніи, что lûdhânâ испорчено вмѣсто перс. слова râh—dân въ значеніи эпитета торговцевъ („знающіе пути“), см. l. c., 349—353.

[4]) Чтеніе „по Богу и Днѣпру“ беру изъ списковъ Ипатьевскаго, Радзивиловскаго и др.; въ Лаврентьевскомъ ошибочно вмѣсто этого „по Днѣстру“; слово „преже“ вставляю въ виду приведеннаго дальше чтенія Новгородской 1-ой лѣтописи.

Въ Новгородской 1-ой лѣтописи, сохранившей отрывки древней лѣтописи, лежащей въ основаніи Повѣсти вр. лѣтъ, читаемъ: «И сидѣли Уличи на нижнемъ Днѣпрѣ (по Дънѣпру внизъ), и послѣ того перешли въ область между Богомъ и Днѣстромъ, и сѣли тамъ". Остановился я на чтеніи Уличи, имѣя въ виду Лавр. списокъ (подъ 885 г.), Ипат. (оба раза) и нѣк. списки Новгор. 1-й; ср. также οὐλτίνοι (непоср. вм. οὐλιτίνοι Конст. Багр.) [1]). Уличи имѣли городъ Пересѣченъ, какъ было указано Н. Барсовымъ (Оч. русск. ист. географіи, 99), чему соотвѣтствуетъ современное селеніе Пересѣчина въ Бессарабіи, въ Оргѣевскомъ уѣздѣ. О Пересѣченѣ узнаемъ изъ той древнѣйшей лѣтописи, изъ которой приведено сообщеніе о двухъ мѣстахъ жительства уличей; Повѣсть вр. лѣтъ упоминаетъ уличей только въ этнографическомъ введеніи и затѣмъ еще подъ 885 годомъ, сообщая о томъ, что Олегъ воевалъ съ уличами и тиверцами. Что до имени тиверцевъ, то оно можетъ стоять въ связи со старымъ названіемъ Днѣпра. греч. Τύρας, турецк. Turla. При Τύρας могъ существовать мѣстный варіантъ *Tiuras, откуда *Тивръ, и отсюда *Тиврьци, Тиверьци. Повѣсть вр. лѣтъ упоминаетъ о тиверцахъ не только въ тѣхъ двухъ указанныхъ мѣстностяхъ, гдѣ она сообщаетъ и объ уличахъ, но также еще среди племенъ, при-

[1]) Весьма обычный варіантъ угличи (напр. въ Комм. сп. Новгор. 1-й) наводилъ Надеждина и другихъ изслѣдователей на мысль о связи названнаго племени съ Уголъ, визант Onglos, какъ назывался славянами совр. Буджакъ; но считать это племя исконными поселенцами Буджака у насъ нѣтъ основанія. Татищевъ и др. сопоставляли имя угличей съ названіемъ лѣваго притока Днѣпра Уголъ (совр. Орель); ср. вѣроятно тамъ одноименную мѣстность (Ипат. подъ 1183: и стояша на мѣстѣ, нарѣцаемемь Ерель, егоже Русь зоветь Уголъ). Объ этой мѣстности см. Аристовъ, О землѣ Половецкой 225; Соболевскій въ Русск. Фил. Вѣстн. 1910 г., т. 64, с. 186. Варіанты улучи, лутичи дали основаніе Соболевскому считать основною формой Улучичи, производное отъ улучья (изгиба), производимаго нижнимъ теченіемъ Днѣпра. Въ пользу Угличи можно было-бы привести названіе народа Uqlisnûs у Іосифа-бенъ-Горіона, который помѣщаетъ его въ таблицѣ народовъ между хазарами, печенѣгами и болгарами (Marquart, l. c., 193), но отождествить оба имени, разумѣется, можно только гадательно. Въ сторонѣ должны остаться Unlizi Баварскаго географа конца IX в. (Šafařík, Slov. starož. II, 712), отождествленные Шафарикомъ съ Уличами, а Лелевелемъ (Géographie du moyen âge, III—IV, 43) относимые въ Хорватію (въ виду созвучія съ р. Унна и городомъ Унач): слишкомъ спорны вопросы, возбуждаемые сообщаемыми здѣсь этническими названіями. Подъ Trškīn и Anqlījīn Ибнъ-Якуба, названными имъ среди главныхъ племенъ сѣвера, говорящихъ по славянски, потому что смѣшались со славянами (Бар. Розенъ, Изв. Ал-Бекри, 54), Marquart (l. c., 192) видѣлъ сначала тиверцевъ и угличей, но потомъ (l. c., 509) согласился съ предположеніемъ Вестберга (изложеннымъ въ частномъ письмѣ къ нему) о томъ, что Trškīn описка вм. Tdškīn (Tudiškīn: Teutsche, Deutsche), а Anqlījīn вм. Onqrījīn— угры, какъ думалъ и Куникъ (Изв. Ал-Бекри, 107).

нимавшихъ участіе въ походахъ на Царьградъ, какъ Олега (907 г.), такъ и Игоря (944 г.). Въ первомъ изъ этихъ сообщеній тиверцы названы вслѣдъ за дулѣбами и затѣмъ сказано: „яже суть тълковины", т. е. которые являются переводчиками. Впрочемъ, какъ видно изъ Слова о полку Игоревѣ, толковинами назывались иноплеменники, усвоившіе себѣ русскій языкъ; поганые толковины, въ устахъ вел. князя Святослава Всеволодича, это очевидно половцы. На этомъ основано предположеніе А. И. Соболевскаго о томъ, что тиверцы были не славянскимъ, а вѣроятно турецкимъ (печенѣжскимъ) племенемъ, покореннымъ русскою державой; А. И. Соболевскій отождествилъ названіе толковины съ названіемъ ταλμάτζιοι или τουλμάτζιοι, приводимымъ Конст. Багрянороднымъ для обозначенія наемниковъ въ византійскомъ флотѣ (ср. Визант. Вр. I, 461). Это названіе сближается съ именемъ одного изъ восьми печенѣжскихъ колѣнъ, указанныхъ тѣмъ же писателемъ: Ταλμάτ или Βοροτάλματ (De adm. imp., cap. 37); это колѣно жило на лѣвомъ берегу Днѣпра; поэтому его нельзя было бы отождествлять съ толковинами—тиверцами лѣтописи. Вѣроятнымъ представляется, что тиверцы это смѣшанное населеніе днѣстровскаго побережья, въ составѣ котораго были и восточные славяне; лѣтописецъ и о нихъ также (не объ однихъ угличахъ) говоритъ, что раньше они жили по Бугу и Днѣпру, занимая здѣсь и морское побережье: можно поэтому думать, что тиверцы это тѣ же уличи, отброшенные къ западу, къ Днѣстровскому бассейну; часть уличей называлась тиверцами, а именно тѣ изъ нихъ, которые были ближе къ Дунаю и смѣшались съ наводнившими степь печенѣгами [1]).

Въ предыдущемъ мы упустили еще одно племя, которое лѣтописецъ называетъ русскимъ; это *Хорваты*. Сначала о нихъ забываетъ самъ лѣтописецъ, не помѣщающій ихъ въ первыхъ своихъ перечняхъ славянскихъ племенъ; но въ послѣднемъ своемъ перечнѣ онъ вспомнилъ о нихъ и назвалъ ихъ вслѣдъ за радимичами и вятичами; затѣмъ хорваты упоминаются въ 907 году въ составѣ Олеговыхъ пол-

---

[1]) Лѣтописецъ говоритъ, что „города ихъ (а именно уличей и тиверцевъ, сидѣвшихъ до самаго моря) сохраняются и до сего дня". Представляется вѣроятнымъ отождествить эти города съ тѣми пустыми городами, которые по Константину Багрянородному находятся по ту сторону Днѣпра въ сторону Болгаріи (ἔνθεν τοῦ Δανάπρεως ultra Danaprim flumen, что вмѣсто ἔνθεν τοῦ Δανάστρεως). Назвавъ шесть городовъ, историкъ продолжаетъ: „Въ развалинахъ этихъ древнихъ городовъ находятся и нѣкоторые слѣды церквей и кресты, высѣченные въ известковыхъ скалахъ. Вслѣдствіе этого нѣкоторые знаютъ преданіе, что нѣкогда тамъ жили Ромеи". Русскій лѣтописецъ могъ знать другое преданіе о томъ, что тамъ нѣкогда жили славянскіе уличи. Любопытно сопоставить съ этимъ чтеніе Переяслав. списка лѣтописи: и суть гради ихъ и нынѣ спы (т. е. въ развалинахъ).

чищъ, двинувшихся въ походъ противъ Царьграда; но въ походѣ Игоря хорваты не упомянуты: наконецъ, подъ 993 годомъ читаемъ о походѣ Владиміра на хорватовъ. Хорваты жили несомнѣнно въ Галиціи въ бассейнѣ Днѣстра: есть основаніе думать, что въ первой половинѣ IX в. хорваты образовывали самостоятельную державу; рядъ соображеній ведетъ къ предположенію, что именно о нихъ сообщалъ персидскій географъ Джейхāнū, описывая могущественный славянскій народъ, городъ которыхъ (мѣстопребываніе ихъ царя) называется у Ибнъ-Рустэ Джервабъ, что по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ испорчено вмѣсто Хорватъ [1]). Едвали хорваты принадлежали къ восточно-славянской группѣ: скорѣе это западно-славянское племя: Масуди называетъ Chorwātīn между Morāwa и Çāchīn [2]). Повидимому, хорваты нашей лѣтописи были осколкомъ большого государства, занимавшаго нѣкогда бассейны Днѣстра и верхней Вислы [3]). Изъ-за нихъ и принадлежавшихъ имъ червенскихъ городовъ шелъ споръ между русскими и ляхами.

Въ обзорѣ восточнославянскихъ племенъ, предложенномъ русскою лѣтописью, безъ всякаго сомнѣнія названы всѣ главнѣйшія племена; но мелкія дѣленія этихъ племенъ оставлены безъ упоминанія: мы говорили уже о деревлянахъ и полянахъ на территоріи совр. Новгородской и Тверской губ.: о нихъ не знаетъ лѣтопись, помѣщая здѣсь вообще или кривичей или словѣнъ. Не находимъ въ обзорѣ и такихъ этническихъ названій, какъ Лучане, Семичи (жители Посемья), Куряне; это названія племенныхъ дѣленій, опредѣляемыхъ географическимъ положеніемъ; они оставались и послѣ исчезновенія старыхъ племенныхъ отношеній, державшихся на племенномъ раздробленіи. Съ одной стороны, только что указанное обстоятельство (лѣтописецъ имѣлъ въ виду только главнѣйшія племена), а съ другой ограниченность горизонта лѣтописца, зависѣвшая отъ имѣвшихся въ его распоряженіи данныхъ, позволяютъ думать, что въ обзоръ попали не всѣ русскія племена. Это необходимо имѣть въ виду въ особенности при

---

[1]) Хвольсонъ, Извѣстія Ибнъ-Даста, с. 142. Догадка Хвольсона подтвердилась чтеніемъ Гардизи Джаравāт (Джарвāт?) и чтеніемъ анонимнаго персидскаго географа, найденнаго Туманскимъ: Хурдабъ—большой городъ и мѣстопребываніе государя (Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археолог. Общ. X, 135); ср. Marquart, l. c., 47.

[2]) Гаркави, Marquart, l. c., 102 и 129.

[3]) По Вестбергу (Ibrâhîm's-ibn-Ia'kûb's Reisebericht über die Slawenlande, 97 и сл.) Бѣлая Хорватія Константина Багрянороднаго обнимала Чехію, Моравію и землю словаковъ, причемъ это офиціальное названіе чешскаго государства зависѣло отъ присоединенія къ нему древняго хорватскаго государства въ области совр. Галиціи. Также Marquart, l. c., 131—135.

разрѣшеніи вопроса о юговостокѣ совр. Россіи, о бассейнѣ рѣки Дона. Лѣтопись совсѣмъ не указываетъ на наличность тамъ восточнославянскаго населенія, а между тѣмъ имѣются и прямыя и косвенныя доказательства въ пользу предположенія, что на Дону сидѣли во времена хазарскаго владычества славяне.

Доказательства эти слѣдующія. Во-первыхъ, арабскій писатель Масуди опредѣленно говоритъ, что берега Танаиса (Дона) „обитаемы многочисленнымъ народомъ славянскимъ и другими народами, углубленными въ сѣверныхъ краяхъ" [1]). Ал-Баладури (писавшій въ 60-хъ годахъ IX вѣка) сообщилъ о томъ, что Марванъ (дядя калифа Гишама) „сдѣлалъ набѣгъ на землю славянъ, жившихъ въ землѣ хазаръ, взялъ изъ нихъ въ плѣнъ 20 тысячъ осѣдлыхъ людей и поселилъ ихъ въ Хахитѣ (Кахетіи)" [2]). Во-вторыхъ, какъ это было давно указано И. И. Срезневскимъ, въ бассейнѣ Дона и у самаго Азовскаго моря имѣются рѣки съ русскими названіями; такова, напр. рѣка Молочная, впадающая въ Азовское море; таковы южные притоки сѣвернаго Донца: Уды съ Лопанью, Сальница, Красная, Ольховата, Лугань, Калитва; южные притоки Дона: Калитва, Хоперъ съ Вороной, Медвѣдица, Иловля [3]), также Россошъ; это, въ особенности въ виду того, что много подобныхъ названій извѣстно уже по старымъ памятникамъ, указываетъ на исконность русскихъ поселеній въ соотвѣтствующихъ предѣлахъ. Въ-третьихъ, подъ 1117 годомъ читаемъ въ Ипат. лѣтописи: „Пришли Бѣловѣжци въ Русь"; едвали можно сомнѣваться, что это жители хазарскаго города Бѣлой Вѣжи, выстроеннаго на Дону для защиты каганата отъ нападенія сѣверныхъ сосѣдей: въ Русь пришла, конечно, не хазарская часть населенія, а славянская; бѣловѣжцы выстроили себѣ городъ Бѣлую Вѣжу въ Черниговскомъ княжествѣ; дѣлаемъ отсюда, вслѣдъ за проф. Голубовскимъ, выводъ о томъ, что переселеніе бѣловѣжцевъ было однимъ изъ эпизодовъ отлива восточнославянскаго населенія съ юговостока, когда тамъ на

---

[1]) Гаркави, 38. Меньше значенія имѣютъ тѣ свидѣтельства арабовъ, въ которыхъ Донъ называется славянскою рѣкой (напр. у Табари, см. Гаркави, 76). Подъ именемъ Saqlâb арабы разумѣли не только славянъ, но и восточныхъ финновъ, а можетъ быть и турокъ, обитавшихъ въ Россіи. Такъ Ибнъ-Хордадбе называетъ Волгу рѣкой Славоніи (Гаркави, 49), Ибнъ-Фадланъ опредѣляетъ Булгаръ какъ городъ славянъ, лежащій на сѣверѣ; болгарскаго царя онъ называетъ царемъ славянъ (ib., 85). Но нарочитое указаніе на славянъ въ землѣ хазаръ въ сообщеніи Ал-Баладури и свидѣтельство Масуди, хорошо знавшаго славянъ и отличавшаго ихъ отъ другихъ народовъ, заслуживаютъ полнаго довѣрія.

[2]) Гаркави, l. c., 140.

[3]) Русское населеніе степей и южнаго поморья въ XI—XIV в. (Изв. Втораго Отдѣленія, 1-ая серія, VIII, 313 и сл.).

мѣсто хазарскаго государства водворились печенѣги, половцы и другіе степные народы. Въ-четвертыхъ, населеніе рязанской земли шло двоякимъ путемъ: съ одной стороны, на сѣверъ совр. рязанской губерніи велъ рѣчной путь по Окѣ изъ Поднѣпровья, съ другой стороны, на югъ рязанской губ. путь шелъ изъ иныхъ областей; это видно изъ коренного различія населенія сѣверной и южной части Рязанской губерніи. Всего прямѣе вести южныхъ рязанцевъ, такъ же какъ и ихъ сосѣдей съ Дона и Донца, берега которыхъ естественно опустѣли вслѣдствіе засилія кочевниковъ; не допустивъ напряженнаго прилива восточнославянскаго населенія въ область Оки, мы не поймемъ возвышенія этой области и созданія здѣсь условій объединенія русскихъ племенъ. До сихъ поръ въ русскомъ государствѣ и великорусскомъ племени рѣзко различаются два элемента: сѣверновеликорусы (окающіе, говорящіе на о) и южновеликорусы (акающіе, говорящіе на а); если окающее населеніе пріокской области пришло сюда съ запада, то акающее населеніе остается вести только съ юга и признать его исконнымъ степнымъ населеніемъ. Русскіе оставались въ томъ или иномъ числѣ на Дону еще и въ XIII в., какъ видно изъ сообщенія Рубруквиса, видѣвшаго здѣсь русское село, которому Батый и Сартакъ предоставили право перевоза черезъ Донъ.

Теперь, имѣя въ своемъ распоряженіи нѣсколько исторически достовѣрныхъ данныхъ, мы можемъ возстановить въ общихъ чертахъ ходъ разселенія восточнославянскихъ племенъ. Замѣчательно прежде всего, что въ IX вѣкѣ мы застаемъ восточныхъ славянъ раздробленными; какъ увидимъ ниже, отдѣльныя части ихъ подпали подъ господство двухъ различныхъ политическихъ центровъ—хазарскаго и варяго-русскаго, но раздробленіе восточнаго славянства вызвано не этимъ, а напротивъ его раздробленіе повело къ подчиненію иноземцамъ. При первыхъ своихъ выступленіяхъ восточное славянство представляло извѣстное единство, какъ можно заключать изъ тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыя разсмотрѣны выше, а также и изъ наличности общаго для нихъ названія,—анты; подъ этимъ названіемъ ихъ знали и ромеи, и германцы; въ IX вѣкѣ имя антовъ неизвѣстно, что доказываетъ, что восточные славяне утратили свое единство также и въ глазахъ иноплеменныхъ сосѣдей [1]). Къ утратѣ политическаго

---

[1]) Попытка Л. Нидерле увидѣть антовъ въ трудахъ арабско-персидскихъ географовъ не можетъ быть названа удачной. Онъ призналъ возможнымъ отождествить Артанію арабовъ (вар. Аутанія), какъ опредѣляется одно изъ трехъ главныхъ русскихъ племенъ, съ городомъ Арта (ср. у Гаркави, изъ Аль-Истахри, с. 193, изъ Ибнъ-Хаукаля, с. 220; далѣе изъ Аль-Балхи, с. 276), съ Vantít Гардизи (Гурдези) и Vábnít анонимнаго персидскаго географа, предположивъ, что въ Артанія р стоитъ

единства антовъ повело ихъ порабощеніе аварамъ. Авары, какъ увидимъ, повліяли и на разселеніе антовъ.

Область, занятая антами, опредѣлялась нами выше, согласно показаніямъ Іордана и Прокопія, какъ южнорусское предстепье отъ Днѣстра до Днѣпра и дальше до Донецкаго бассейна. Правда, мы не находимъ опредѣленныхъ указаній на то, что анты не доходили въ своихъ поселеніяхъ до моря, но къ такому заключенію ведетъ Прокопій, помѣщающій антовъ сѣвернѣе кутургуровъ, сидѣвшихъ у Азовскаго моря. Къ такому же заключенію ведетъ то рѣзкое различіе, какое замѣчается въ географической номенклатурѣ предстепья, съ одной стороны, южнорусской степи, съ другой. Въ предстепьѣ названія рѣкъ русскія; на югѣ они иноязычныя и притомъ въ преобладающемъ числѣ случаевъ туркскаго происхожденія: здѣсь сидѣли гунскія полчища, болгары, затѣмъ печенѣги, торки, половцы [1]).

Можно думать, что антская колонизація направлялась изъ Днѣстровскаго бассейна въ бассейнъ средняго теченія Южнаго Буга, а затѣмъ по Роси въ бассейнъ средняго Днѣпра. Такое направленіе колонизаціи объясняетъ, почему лѣвый притокъ верхняго теченія

ошибочно вмѣсто н; Arta и Vantit онъ связываетъ съ именемъ Антовъ. Я тоже думаю, что между Арта, Артанія, съ одной стороны, Vantit, съ другой, есть связь; но связь эта совсѣмъ иная, чѣмъ думалъ Нидерле: Vantit—это вятичи, а Артанія это Эрдзянь, откуда Рязань; Рязань, какъ мы видѣли, сталъ городомъ вятичей (ср. комментарій позднѣйшихъ лѣтописцевъ: вятичи, т. е. рязанцы). См. статью L. Niederle, Antové, а также его Slov. starož. II, 269.

[1]) Ср. напр. среди южныхъ притоковъ Днѣстра: Ягорлыкъ, Реутъ (съ притоками Реуцель, Большой Чулукъ, Сагала, Кула), Икель, Турунчукъ, Юштубей. Кучурганъ. Между Днѣстромъ и Бугомъ впадаютъ въ море рѣки, какъ Барабой, Татарка, Средній и Большой Куяльникъ, Большой и Малый Аджалыкъ, Тилигулъ (съ притокомъ Балайчукъ). Среди южныхъ притоковъ Южнаго Буга находимъ: Кодыму, Когарлыкъ, Сухой и Черный Ташлыкъ, Бакшалу, Черталу, Чичиклею, Ингулъ (съ притоками Мамайка, Сугоклея, Аджамка, Сагайдокъ, Громоклея или Гормоклея). Среди южныхъ притоковъ Днѣпра съ правой стороны находимъ, напримѣръ: Тясминъ (съ такими притоками, какъ Сырой и Гнилой Ташлыкъ, Ирклеецъ, Мокрая Сура, Чертомлыкъ, Великія Воды съ притокомъ Базавлукъ или Бузулукъ), Тягинку, Ингулецъ (съ притокомъ Саксагань). Среди южныхъ притоковъ Днѣпра съ лѣвой стороны видимъ: Самару (съ притокомъ Самарчукъ), Кушугумъ, Конскую (съ притоками Янчекракъ, Карачекракъ), Каирку и друг. под.—Гораздо рѣже инородческія названія въ бассейнахъ среднихъ теченій Днѣстра, Южнаго Буга и Днѣпра. Ср. Болбонъ—правый притокъ Днѣстра, Саврань—правый притокъ Ю. Буга, Тырыхва—лѣвый его притокъ; Ирклей—лѣвый притокъ Днѣпра сѣвернѣе Сулы; Удай—правый притокъ Сулы; Россава лѣвый притокъ Роси съ притоками Таргапомъ и другою Россавой, въ которую впадаетъ Мокрый Кагарлыкъ; Торганъ или Тарганъ правый притокъ Роси; Котлуй правый притокъ Роси; Ерло лѣвый притокъ Днѣпра, сѣвернѣе Десны; Ибръ притокъ Тетерева, Пейсахъ тоже, Кодра тоже.

Южнаго Буга названъ Десной (т. е. правой, правымъ притокомъ) и также Десной названъ большой лѣвый притокъ Днѣпра: очевидно, восточные славяне направлялись вверхъ по теченію этихъ рѣкъ, а не внизъ. Недавно появившаяся замѣтка П. Л. Маштакова [1]) дѣлаетъ вѣроятнымъ, что восточные славяне двигались именно съ средняго Поднѣстровья черезъ верховья Буга къ среднему Поднѣпровью (но не къ южному), затѣмъ они продвигались по пространству между Днѣпромъ и Десной до верховьевъ Десны; и наконецъ, по Болвѣ и Снопоти славяне переходили въ бассейнъ Угры, притока Оки. Маштаковъ основывается на комплексахъ рѣчныхъ названій, встрѣчающихся въ такимъ образомъ выясняющихся трехъ областяхъ. Движеніе въ бассейнъ Угры принадлежитъ, какъ кажется, болѣе позднему періоду; а еще раньше лѣвые притоки Днѣпра — Орель, Ворскла, Пселъ и притокъ Десны — Семь привели восточныхъ славянъ къ бассейнамъ Сѣвернаго Донца и Оскола, что привело ихъ въ области къ сѣверу отъ Азовскаго моря, гдѣ ихъ указывалъ Прокопій.

Все это огромное пространство было, какъ кажется, унаслѣдовано антами отъ ушедшихъ на западъ остроготовъ, и это облегчило имъ его завоеваніе. Нашествіе аваровъ, какъ мы видѣли, сопровождалось опустошеніемъ восточнославянскихъ земель и временнымъ ихъ покореніемъ, но анты одно время оставались свободными. Лишь позже, въ началѣ VII вѣка, окрѣпшіе въ Подунавьѣ авары покоряютъ ихъ своей власти (ср. упомянутый выше походъ Апсиха).

Паденіе аварской державы оказало сильнѣйшее вліяніе на дальнѣйшее разселеніе восточнаго славянства. Во-первыхъ, какъ мы видѣли, авары, спасаясь отъ франковъ, отступили въ бассейнъ Вислы и привели въ сильное движеніе ляшскія племена. Подъ напоромъ однихъ племенъ на другія началось движеніе ляховъ на востокъ и сѣверовостокъ. Одни изъ ляшскихъ племенъ наводнили страну дреговичей и сидѣвшихъ вмѣстѣ съ ними дулѣбовъ; другія племена пробились въ бассейнъ Западной Двины, осѣдая среди западной вѣтви кривичей: третьи племена двинулись въ сѣверное Поднѣпровье: лѣтопись сохранила названія этихъ племенъ: это были радимичи и вятичи; первые сумѣли укрѣпиться на Днѣпрѣ и его лѣвыхъ притокахъ; вторые—вятичи двинулись дальше на востокъ и захвативъ сначала верхнее теченіе Оки, заняли съ теченіемъ времени и среднее его теченіе.

Мнѣ необходимо обосновать здѣсь положеніе о томъ, что радимичи и вятичи были отъ рода ляховъ, какъ сообщаетъ русская лѣто-

[1]) Изв. Отд. р. яз. и слов. за 1917 г., кн. 2.

пись, необходимо подкрѣпить нѣкоторыми соображеніями категорическое утвержденіе лѣтописца. Укажу прежде всего на ляшскія особенности въ бѣлорусскомъ языкѣ (слѣдовательно, на территоріи дреговичей и радимичей); къ числу ихъ относится свистящее произношеніе мягкихъ т и д (въ древности они діалектически были шепелявыми, какъ въ польскомъ языкѣ); вѣроятнѣе всего объяснять эти особенности вторженіемъ польскихъ элементовъ въ легшія въ основаніе бѣлорусской народности русскія племена. Укажу далѣе на ляшскія особенности въ языкѣ западной отрасли Кривичей, т. е. прежде всего древнепсковскаго нарѣчія: кромѣ вызваннаго польскимъ діалектическимъ „мазураканіемъ" (т. е. замѣной шипящихъ ш, ж, ч свистящими с, з, ц) смѣшенія звуковъ ш и с, ж и з, ч и ц, отмѣчу появленіе польскихъ сочетаній дл и тл вмѣсто восточнославянскаго звука л (напр. ведли, откуда вегли, вм. вели, жадло, откуда жагло, вм. жало); слѣдовательно, западные кривичи восприняли въ свой составъ ляшскіе элементы. Остановлюсь далѣе на самомъ имени вятичей: у арабско-персидскаго писателя Гардизи оно звучитъ, какъ мы видѣли, Вантитъ (Vantît) [1] Появленіе ан, т. е. естественной передачи носового е въ этомъ имени, объясняю себѣ тѣмъ, что вятичи, какъ ляшское племя, называли сами себя Wętic—, между тѣмъ какъ сосѣдніе съ ними восточные славяне произносили Wjatič—: носовой звукъ воспринятъ какъ ан (или ен?) хазарами, откуда Vāntīt Джейхāнӣ и Vnntīt хазарскаго царя Іосифа (см. предыд. примѣчаніе). Въ заключеніе укажу еще на связь вятичей съ радимичами, устанавливаемую названіемъ рѣки Прони: такъ называется рѣка въ Могилевской губерніи, впадающая въ

[1]) „Въ странѣ славянъ есть городъ Вантитъ" (В. Бартольдъ, Отчетъ, въ Зап. Ак. Н., 8-я серія, I, 122). Выше (въ примѣч. на с. 35) указано на соотвѣтствіе Вантитъ—Артаніи другихъ источниковъ, а это ведетъ къ вятичамъ, городомъ которыхъ стала Рязань. Трудно сомнѣваться, чтобы и Vājі Ибнъ-Руста, о которомъ сказано у него „Въ самомъ началѣ границы страны славянъ находится городъ, по имени Вâ-и" (Гаркави, 264) не было простой опиской вмѣсто Vānt. У Персидскаго анонима, какъ указано, Vābnīt, что также испорчено вмѣсто Vantīt. Очевидно такъ, т. е. Vantīt, читалось и въ общемъ источникѣ Гардизи и Ибнъ-Руста, т. е. у Джейхāнӣ (см. ниже). Вестбергъ (Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa въ Изв. Акад. Наукъ за 1899 г., XI, 213) отождествилъ Vāntīt (признавъ и Vājī и Vābnīt описками) съ вятичами (Wętit), что вызвало необоснованное возраженіе Маркварта (l. c., 200 прим.). Вслѣдъ за Вестбергомъ и Гаркави вижу и въ племени, названномъ въ письмѣ хазарскаго царя Іосифа къ Хаздаю покорнымъ хазарамъ,— Wnntīt нашихъ вятичей (см. A. Harkavy, Ein Briefwechsel zwischen Cordova und Astrachan zur Zeit Swjatovslaw's въ журналѣ Russische Revue, VI, 1875).

Сожь, и такъ же рѣка въ Рязанской губерніи, впадающая въ Оку (вытекаетъ Проня изъ Епифан. уѣзда, Тульской губ.) [1].

Во-вторыхъ, это самое движеніе ляшскихъ племенъ на востокъ привело ихъ въ верхнемъ Поднѣпровьѣ въ столкновеніе съ сѣверянами и кривичами. Какъ увидимъ ниже, радимичи только во второй половинѣ X вѣка были покорены русскими силой оружія; они, слѣдовательно, имѣли военную организацію; захватили они верхнее Поднѣпровье силой и оттѣснили оттуда восточныхъ славянъ. Быть можетъ, именно вторженіе радимичей заставило кривичей пробиваться въ бассейнъ верхняго теченія Волги, а также по Ловати къ Ильменскому озеру. Съ большою вѣроятностью можно думать о смѣшеніи кривичей съ ляшскими племенами въ верхнемъ Поднѣпровьѣ; основаніемъ служитъ нижеслѣдующее соображеніе. Сѣверноруское нарѣчіе издревле смѣшиваетъ звуки ч и ц; такое смѣшеніе естественнѣе всего объяснить какъ результатъ вліянія такого нарѣчія, въ которомъ звукъ ч исчезъ совсѣмъ, замѣнившись черезъ ц; какъ указано выше, восточноляшскія племена имѣли въ своемъ говорѣ именно эту звуковую особенность; слѣдовательно, становится вѣроятнымъ именно ихъ вліяніе на сѣвернорусовъ, нѣкогда сосредоточивавшихся въ сѣверномъ Поднѣпровьѣ.

Въ-третьихъ, паденіе аварскаго владычества могло привести въ движеніе и болѣе южныя изъ восточно-славянскихъ племенъ; такъ именно аварское вторженіе съ запада повліяло на удаленіе дулѣбовъ къ сѣверу, въ область современной Бѣлоруссіи; отступившіе въ лѣса и непроходимыя болота славяне могли переселиться и въ предстепье и далѣе въ степь къ берегамъ Чернаго моря. Думаю, что появленіе уличей въ области между Днѣпромъ и Днѣстромъ относится къ началу IX вѣка; они жили здѣсь до второй половины IX вѣка, пока не были вытѣснены мадьярами, а затѣмъ шедшими вслѣдъ за мадьярами печенѣгами.

Окончательно опредѣлились границы восточнославянскаго разселенія позже, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, напора съ юга степныхъ ордъ, а съ другой установленія среди нихъ государственной власти. О центростремительныхъ движеніяхъ въ средѣ восточнославянскихъ племенъ и объ ихъ колонизаціонныхъ продвиженіяхъ на сѣверѣ и востокѣ скажу ниже.

---

[1]) Названіе многолюднаго села Вилинка у рѣки Прони въ Михайловскомъ уѣздѣ сопоставьте съ названіемъ рѣчки Видлинка (съ ляшской звуковой окраской), впадающей въ Вилье, притока Ресты, притока Прони могилевской.

ГЛАВА IV.

Встрѣчи восточныхъ славянъ съ иноплеменниками.

Первые шаги восточнаго славянства на территоріи современной Россіи привели его въ столкновеніе съ различными народностями индоевропейскаго, туркскаго и финскаго происхожденія. Какъ указано, славяне унаслѣдовали Поднѣстровье и Поднѣпровье отъ готовъ; этимъ объясняется между прочимъ сохраненіе ими за главными рѣками югозападной Россіи ихъ древнихъ названій, самими готами унаслѣдованныхъ частью отъ иранскихъ сарматовъ. Такъ вѣроятно отъ готовъ переняты были славянами имена Дънѣстръ и Дънѣпръ (Іорданъ имѣетъ Danastrus и Danaper, согласно латинскому употребленію, ср. у Амміана Марцеллина Danapris и Danaster) [1]; съ большою вѣроятностью германскимъ словомъ можно признать названіе Южнаго Буга—древнерусское Бъгъ, откуда Богъ (ср. у Конст. Багр. Βογοῦ), такъ же какъ названіе Буга для Западнаго Буга [2]). Ср. еще названія какъ Мурафа (Мурахва)—притокъ Днѣстра, Русава—тоже, Ничлава—тоже, Охава—притокъ Свиржа, притока Днѣстра, и др. съ германскими окончаніями. Весьма возможно, что славяне нашли въ Южной Россіи и многочисленные остатки старыхъ поселенцевъ, покоренныхъ готами, въ числѣ ихъ и иранцевъ. Съ иранцами они встрѣтились и на востокѣ въ бассейнѣ Дона, къ которому примыкали поселенія алановъ (ясовъ нашей лѣтописи); отъ иранцевъ заимствованы въ русскій языкъ нѣсколько словъ, въ томъ числѣ слово „собака". Гунскія племена сидѣли на югѣ отъ восточныхъ славянъ въ черноморскихъ степяхъ; славяне называли ихъ Хынове, ср. въ Словѣ о полку Игоревѣ „хыновскыя

---

[1]) Иранскія названія представляются сложными изъ Dana и Istr, Dana и Ibr, какъ показалъ А. И. Соболевскій; ср. названіе рѣкъ Истръ и Ибръ: герм. р. вм. в.

[2]) Прагерм. *bugan: дуга, изгибъ; *bauga: кольцо. Іорданъ для Южнаго Буга знаетъ названіе Vagosola, хотя, можетъ быть, это Днѣстръ (cap. V); ср. съ этимъ Wagez въ письмѣ хазарскаго царя Іосифа, повидимому, для обозначенія Днѣпра; Бугомъ называется еще лѣвый притокъ Стрыя, притока Днѣстра.

стрѣлы“ [1]). Въ бассейнахъ Волги и Дона съ теченіемъ времени образовалось могущественное туркское государство подъ верховенствомъ хазаръ. Хазары покорили себѣ зашедшія на востокъ въ бассейнъ Дона восточнорусскія племена, а съ теченіемъ времени распространили свою власть и на тѣ ляшскія племена, которыя поселились по Окѣ и верхнему теченію Днѣпра: лѣтопись нарочито говоритъ о подчиненіи хазарамъ радимичей и вятичей; равнымъ образомъ власть хазаръ признали также и сѣверяне, а послѣ паденія аваръ хазары протянули руку и къ Кіеву, обложивъ данью также и полянъ. Ниже скажу объ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ сѣверозападной Россіи съ хазарскимъ югомъ; они доказываютъ наличность прочнаго гражданскаго и государственнаго порядка въ хазарской державѣ, ставшей оплотомъ южной Россіи и восточнаго славянства отъ вторженія кочевниковъ, сосредоточивавшихъ свои силы за Волгой, Ураломъ и Каспійскимъ моремъ. Но съ теченіемъ времени хазарамъ пришлось допустить рядъ перемѣнъ въ ближайшихъ къ нимъ предѣлахъ. Такъ въ донецкомъ бассейнѣ поселяются пришедшіе съ сѣверовостока мадьяры и становятся хозяевами черноморскихъ степей; но вскорѣ ихъ вытѣсняетъ изъ Подонья туркское племя—печенѣги; мадьяры въ шестидесятыхъ годахъ IX столѣтія осѣдаютъ въ степяхъ между Днѣпромъ и Серетомъ, въ Ателькузу (Конст. Багр.), т. е. междурѣчьѣ; мѣстностью же между Днѣпромъ и Дономъ овладѣваютъ печенѣги. Мы видѣли, что это повело къ отходу восточнославянскихъ уличей въ сѣверозападномъ направленіи. Въ бассейнѣ Дона водвореніе тамъ сначала мадьяръ, а потомъ печенѣговъ, имѣло слѣдствіемъ отходъ восточнославянскихъ племенъ къ сѣверу въ направленіи къ области вятичей.

Движеніе вверхъ по Днѣпру, а также въ страну за Припятью привело славянъ къ столкновенію съ литовскими племенами. Географическая номенклатура, какъ показали труды А. Кочубинскаго, А. Погодина, А. Соболевскаго и др., доказываетъ, что лѣвая сторона рѣки Припяти была занята литовцами (ятвягами), ср. литовскій характеръ названій рѣкъ и озеръ Минской губерніи. Равнымъ образомъ бассейнъ Березины былъ также заселенъ исконно литовскими племенами. Какъ западнымъ славянамъ, двигавшимся съ юга на востокъ, такъ восточнымъ славянамъ, шедшимъ съ юга на сѣверъ, пришлось вѣроятно выдержать тяжелую борьбу съ литовцами изъ-за обладанія Поприпятьемъ и Поднѣпровьемъ. Возможно, что ляшскія племена, двигаясь по Окѣ на востокъ, увлекли за собой нѣкоторыя изъ

[1]) А. И. Соболевскій въ Archiv für slav. Phil., B. 29, 474

литовскихъ племенъ; литовское племя Голядь мы находимъ далеко на востокѣ, на Поротвѣ, притокѣ р. Москвы [1]). С. М. Соловьевъ допускалъ, что появленіе Голяди въ области рѣки Москвы можетъ стоять въ связи съ переселеніемъ на востокъ радимичей и вятичей [2]). Литовцы были отброшены усиліями западныхъ и восточныхъ славянъ отъ Припяти, Березины и Днѣпра; кривичамъ открылась возможность дальнѣйшаго движенія къ сѣверу; идя въ сѣверозападномъ направленіи въ бассейнъ Западной Двины, они встрѣтились съ латышами. Оттѣсненіе латышей на западъ къ среднему теченію Двины дало возможность кривичамъ вторгнуться въ страну финскихъ племенъ. Финновъ восточные славяне назвали Чудью, вѣроятно, пользуясь тѣмъ именемъ, которое дали себѣ сами тѣ финскія племена, которыя нѣкогда были подвластны восточнымъ германцамъ; чудь—это звуковое измѣненіе слова tjudi, восходящаго къ готскому thiuda (народъ); финны назвали себя tjudi такъ-же, какъ сѣверные вепсы называютъ себя Ljūdin-kēl или Lȳdin-kēl, что ведетъ къ русскому слову люди [3]). Финны признали въ восточныхъ славянахъ венедовъ, т. е. славянъ западныхъ; правда, имя венетовъ—венедовъ обозначало у германцевъ первоначально всѣхъ славянъ вообще, но на сѣверѣ, у Балтійскаго моря, оно сохранилось именно для обозначенія западныхъ славянъ; если же финны назвали венедами восточныхъ славянъ [4]), то это можетъ служить указаніемъ на то, что финны отождествили восточныхъ славянъ съ западными, которыхъ они знали, какъ своихъ близкихъ сосѣдей. Кривичи проникли въ территорію финновъ и въ своемъ движеніи къ Ильменскому озеру, а также двигаясь вверхъ по Волгѣ. Лѣтописецъ ставитъ въ ближайшія отношенія къ кривичамъ и отдѣлившимся отъ нихъ новгородскимъ славянамъ западно-финскія племена чудь и весь (на Бѣлоозерѣ и въ Тихвинскомъ уѣздѣ), а также восточнофинское племя Мерю, сидѣвшее въ позднѣйшей Ростовско-Суздальской области. Съ восточными финнами столкнулись и другіе славяне; во-первыхъ, вятичи, встрѣтившіеся съ муромой, занимавшею верхнее теченіе Оки, а также съ мордвой и мещерой,

---

[1]) Ср. р. Голяду, впадающую въ Москву съ лѣвой стороны нѣсколько ниже столицы; село Голяди въ зап. части Дмитровскаго уѣзда; западнѣе находимъ село Голяжье въ Брянскомъ у., на рѣкѣ Деснѣ. См. Н. Барсовъ, Очерки русской истор. географіи.

[2]) Исторія Россіи², I, 87.

[3]) W. Thomsen, Ueber den Einfluss der germ. Sprachen auf die finnisch-lappischen, S. 15.

[4]) Ср. финск.-суоми: Venäjä, Venää, Venät; эст. Wene; водск. Venäi, Venä, см. W. Thomsen, l. c., 183.

сидѣвшими въ Рязанской области и сосѣднихъ съ нею земляхъ; во-вторыхъ, тѣ восточные славяне, которые, оставивъ донецкій бассейнъ подъ вліяніемъ мадьярскихъ, печенѣжскихъ, а позже и половецкихъ насилій, отступили къ бассейну средняго теченія Оки.

Мы указали на главнѣйшія племена, съ которыми сосѣдило восточное славянство въ IX и X в.в. Перехожу теперь къ разсмотрѣнію внѣдрившихся въ него скандинавскихъ элементовъ.

Начиная съ VIII вѣка, Европа въ разныхъ частяхъ своихъ становится поприщемъ дѣятельности норманновъ, т. е. жителей Даніи, Норвегіи и Швеціи. Небольшими отрядами норманны совершали морскіе набѣги на прибрежныя страны, предаваясь вообще грабежу и насиліямъ, но въ отдѣльныхъ случаяхъ стремясь и къ покоренію чужеземныхъ народовъ, къ насильственному среди нихъ водворенію. Походы норманскихъ викинговъ вызывались разнообразными причинами; главными являются скудость доставляемаго ихъ странами пропитанія, а также установленіе въ Норвегіи единодержавія, разрушившаго самостоятельность областей и стоявшихъ во главѣ ихъ вождей [1]).

Морской путь велъ норманновъ на западъ—къ берегамъ Англіи, Шотландіи, Ирландіи и Исландіи, на юго-западъ и югъ—во Францію, Испанію и Средиземное море. Балтійское море привело ихъ къ берегамъ совр. Пруссіи, а также въ Курляндію, Ливонію, Эстляндію и Финляндію. Но освоившись съ только что названными землями, подчинивъ ихъ своему вліянію, наложивъ дань на мѣстныхъ жителей, норманны, пользуясь водными путями, углубились въ страну и проникли на сѣверъ, въ Біармію; по Волгѣ они достигли Болгаріи, а отсюда направились дальше въ далекій Серкландъ у Каспійскаго моря.

Достиженіе устьевъ Двины,—а именно этотъ путь скорѣе всего приводилъ норманновъ, въ особенности жителей Готланда, къ цѣннымъ источникамъ обогащенія,—поставило норманновъ въ связь съ Поднѣпровьемъ; здѣсь, какъ и на верхнемъ теченіи Двины, а также по верхней Волгѣ норманны встрѣтились съ восточнымъ славянствомъ. Какъ увидимъ, имъ съ теченіемъ времени удалось утвердиться среди восточнаго славянства, создать великую славянскую державу, но сначала они ограничивались разбойными нападеніями на славянъ, доставлявшими имъ цѣнное сырье, скотъ и живой товаръ въ видѣ рабовъ. Наши письменные историческіе источники, русскіе и иноземные, не даютъ возможности прослѣдить первые шаги норманновъ въ Россіи, когда они были еще далеки отъ ставшихъ передъ ними

---

[1]) Ср. К. Тіандеръ, Набѣги скандинавовъ въ Бѣлое море, 51 и сл.

позднѣе государственныхъ задачъ, но о дѣятельности норманновъ, какъ промышлявшихъ разбоемъ торговцевъ, даютъ цѣнныя указанія скандинавскіе вещественные памятники. Это, во-первыхъ, скандинавскіе предметы, находимые при археологическихъ раскопкахъ въ Россіи; при извѣстномъ обиліи такіе предметы служатъ доказательствами существованія въ Россіи болѣе или менѣе обширныхъ скандинавскихъ поселеній. Раскопки, произведенныя къ юго-востоку отъ Ладожскаго озера, свидѣтельствуютъ о томъ, что сюда шли колонизаціонныя волны изъ Скандинавіи, начиная съ первой половины IX столѣтія и до конца XI-го. Эти скандинавы (шведы) поддерживали сношенія со своими заморскими родичами и вмѣстѣ съ тѣмъ вели торговлю съ южными и восточными своими сосѣдями. Благодаря брачнымъ союзамъ они въ теченіе XI вѣка смѣшались съ туземнымъ населеніемъ, финскимъ и славянскимъ [1]). Раскопки вокругъ села Гнѣздова близъ Смоленска доказываютъ появленіе тамъ въ началѣ X вѣка большого скандинавскаго населенія, продержавшагося до XI в. (Arne, 37, 42). Къ тому же приблизительно времени относятся поселенія скандинавовъ въ губерніяхъ Владимірской и Ярославской (ib. 34—37, 52—54, 62). Во-вторыхъ, находимыя въ Швеціи и на Готландѣ арабскія монеты свидѣтельствуютъ объ оживленныхъ сношеніяхъ скандинавовъ съ востокомъ; возможно, конечно, что часть монетъ попадала сюда черезъ посредство восточныхъ купцовъ (арабовъ или хазаръ); но замѣчателенъ тотъ фактъ, что на Готландѣ нашлось такое количество арабскихъ серебряныхъ монетъ, какого нѣтъ ни въ одной странѣ Европы и Азіи, причемъ обнаружено не менѣе 280 кладовъ, изъ числа коихъ 60 содержали болѣе 100 монетъ; это побуждаетъ изслѣдователей думать, что клады эти собраны и скрыты самими готландцами, посѣщавшими восточныя страны, т. е. прежде всего юговосточную Россію, гдѣ, по свидѣтельству археологическихъ находокъ, процвѣтали торговыя сношенія съ Азіей (Arne, 89, 90). Въ-третьихъ, о такихъ же сношеніяхъ свидѣтельствуютъ находимыя въ Швеціи и на Готландѣ вещи восточнаго происхожденія; такія же вещи имѣются въ археологическихъ находкахъ, сдѣланныхъ въ Россіи между прочимъ на тѣхъ торговыхъ путяхъ, которые соединяли юговосточную Россію съ Балтійскимъ моремъ; это даетъ основаніе утверждать, что прямыя сношенія между Швеціей и страною хазаръ начались около 800 года черезъ посредство Волги (Arne, 117, 122);

---

[1]) Эти и нижеслѣдующія данныя беру изъ книги T. Arne, La Suède et l'Orient, Upsal, 1914, p.p. 29, 33, и др.

замѣчательно при этомъ, что вещей византійскаго издѣлія въ эпоху до XI в. въ Швеціи находится чрезвычайно мало (Arne, 204), съ чѣмъ согласуется и то, что тамъ незначительны находки и византійскихъ монетъ (Arne, 89—90); тогда какъ число арабскихъ монетъ доходитъ до 24 тысячъ и 14 тысячъ обломковъ, — византійскихъ монетъ въ Швеціи и Готландѣ (а именно на Готландѣ найдено большинство ихъ) насчитывается только до 200 (большая часть относится къ X в., болѣе рѣдки монеты XI в.; незначительно число монетъ, восходящихъ къ IX в.); отсюда изслѣдователи приходятъ къ слѣдующему несомнѣнному выводу: торговый путь черезъ Волгу открытъ скандинавами раньше, чѣмъ путь на югъ черезъ Днѣпръ; и этотъ волжскій путь для шведской торговли имѣлъ бо̀льшее значеніе, чѣмъ путь черезъ Днѣпръ (Arne, 90). Къ первому древнѣйшему періоду относятся сношенія скандинавовъ съ юговостокомъ черезъ Волгу, а уже ко второму, — позднѣйшему принадлежитъ путь на югъ Россіи черезъ Днѣпръ (Arne, 221, 226).

Скандинавы проникали въ Россію изъ южной Швеціи и Готланда, преимущественно черезъ Двину. Истоки Двины сближаются какъ съ истоками Волги, такъ и съ истоками Днѣпра. Причины, почему былъ сначала использованъ волжскій торговый путь и лишь позже днѣпровскій, могли быть разныя. Вѣроятно думать, что на первомъ пути скандинавы встрѣтили меньше затрудненій и препятствій, чѣмъ на второмъ; это могло зависѣть отъ условій, вытекавшихъ изъ характера заинтересованнаго въ этихъ путяхъ населенія; путь черезъ Волгу могъ быть открытъ торговцами, шедшими изъ Болгара и Итиля; скандинавамъ оставалось только использовать этотъ путь для своихъ цѣлей. Что до Днѣпровскаго пути, то открыть его и овладѣть имъ пришлось самимъ скандинавамъ; жители сѣвернаго и средняго Поднѣпровья не умѣли использовать свое торговое положеніе и, какъ увидимъ, не пропустили бы черезъ свою страну чужеземцевъ. Съ полною вѣроятностью можно утверждать, что Днѣпровскій путь изъ Варягъ въ Греки установился уже только въ историческую эпоху въ результатѣ упорной борьбы и завоеваній. Эта борьба привела къ созданію восточнославянскаго государства; скажемъ поэтому о ней въ слѣдующей главѣ.

Перехожу къ вопросу о ближайшемъ происхожденіи и этническихъ названіяхъ тѣхъ скандинавовъ, которые сначала осаживались въ Россіи отдѣльными островами въ торговыхъ центрахъ, а потомъ выступили завоевателями восточно-славянскихъ земель и основателями русскаго государства. Эти скандинавы въ преобладающемъ числѣ были выходцами изъ Швеціи и съ острова Готланда; объ этомъ

свидѣтельствуютъ, между прочимъ, руническія надписи, въ которыхъ имѣются указанія на мѣста смерти или подвиговъ лицъ, въ честь которыхъ воздвигались памятники. Сами себя они называли норманнами (Nordmannr), шведами, готами или просто викингами.

Для насъ представляютъ особый интересъ тѣ имена, подъ которыми скандинавы становятся извѣстными среди туземцевъ Россіи, въ частности среди восточныхъ славянъ, ибо это даетъ возможность анализировать туземныя извѣстія, касающіяся выходцевъ изъ Швеціи и Готланда. Какъ видно изъ лѣтописи и изъ позднѣйшихъ памятниковъ XII вѣка, жители Готланда были извѣстны въ Россіи подъ именемъ Гъти [1]); жители Швеціи назывались Свеи [2]); Данія называлась Донь, Донскою землею [3]); повидимому, жителямъ Норвегіи было присвоено имя Мурмане [4]).

Но всѣ эти имена употреблялись только ближайшими къ Балтійскому морю славянами—новгородцами, полочанами для болѣе точныхъ опредѣленій скандинавскихъ земель и народовъ. Болѣе древнимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ по своему значенію обобщающимъ названіемъ скандинавовъ было имя Варязи, Варягъ; по этому имени Балтійское море называлось Варяжскимъ [5]). Обобщающее значеніе имени варязи видно изъ того мѣста лѣтописи, гдѣ она утверждаетъ, что „Русь, Свеи, Урмане, Агляне и Гъти“ суть варяги. Такое же обобщающее значеніе имѣетъ терминъ варяжскій въ соединеніи со словомъ вѣра: вѣра варяжская это латинская вѣра, напримѣръ, въ Словѣ преп. Ѳеодосія противъ латынянъ. Важно отмѣтить, что имя варяговъ съ теченіемъ времени и при томъ уже въ XII в. совсѣмъ

---

[1]) Повѣсть вр. лѣтъ въ этнограф. введеніи, а также подъ 862 годомъ; ср. далѣе новгородскія, смоленскія договорныя XII—XIII в., новгородскую лѣтопись (напр. подъ 1130 г.) и другіе памятники.

[2]) Повѣсть вр. лѣтъ, тамъ же, а также см. для XII в. и позже новгородскую лѣтопись (напр. подъ 1142, 1164 и т. д.).

[3]) Новгор. 1-я лѣт. подъ 1130, 1134, 1302 г.

[4]) Въ Повѣсти вр. лѣтъ Урмане (въ позднѣйшихъ спискахъ Нурмане, а въ Новгор. 4-ой Мурмане); въ Новгор. 1-ой лѣтоп. Мурмане (напр. подъ 1240, 1419), Мурманская земля (подъ 1339 г.).

[5]) Это древнее названіе см. въ Повѣсти вр. лѣтъ; позже находимъ его въ литературныхъ памятникахъ, какъ напр. въ Житіи Александра Невскаго; въ новгородскихъ памятникахъ обычнымъ названіемъ Балтійскаго моря является просто море. Весьма замѣчательно, что названіе Варяжское море стало извѣстно арабамъ и персамъ. Ссылаясь на персидскаго астронома Беруни (род. въ 973, умеръ около 1030), позднѣйшіе мусульманскіе писатели говорятъ о заливѣ великаго океана, разстилающемся къ сѣверу отъ славянъ и называемомъ Варяжскимъ моремъ (Бахр Варанк).

исчезло изъ употребленія. Въ новгородской лѣтописи варяги упоминаются въ послѣдній разъ подъ 1188 и 1212 годами, уже начиная съ 1143 года замѣняясь именемъ свеевъ. То обобщающее значеніе, которое имѣло имя варяговъ, перенеслось на имя нѣмцевъ; кажется, уже въ договорной 1189—99, изданной подъ № 1 въ Русско-Ливонскихъ актахъ, подъ нѣмцами разумѣются и жители Готскаго берега (Готланда), хотя они и упоминаются также и подъ именемъ гтянъ и варяговъ. Такое словоупотребленіе ведетъ къ тому, что Рюрикъ и его братья признаются въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ призванными изъ нѣмцевъ. На мѣстѣ варяжской вѣры является вѣра латинская. Въ упомянутой грамотѣ говорится, какъ о договаривающейся сторонѣ, о Нѣмецкихъ сынахъ, о Готахъ и о всемъ Латинскомъ языкѣ. Въ грамотѣ 1229 года рядомъ съ рижанами называется весь Латинскій языкъ, а въ рядѣ статей ея Латининъ, противополагаясь Русину, означаетъ и Рижанина и Готландца, и всякаго вообще нѣмца. Быстрое исчезновеніе имени варяговъ на сѣверѣ показываетъ, какъ кажется, что оно не имѣло здѣсь никакого этническаго основанія. Дѣйствительно, въ древне-сѣверномъ языкѣ имя Vaeringjar означаетъ не скандинавовъ, какъ таковыхъ, а только скандинавовъ, входящихъ въ составъ стражи, тѣлохранителей византійскаго императора [1]). Можно съ вѣроятностью утверждать, что Vaeringjar есть передѣлка греческаго имени этихъ тѣлохранителей, варанговъ (βάραγγοι). Это даетъ указаніе на то, что самое имя варяговъ могло возникнуть и не въ скандинавской средѣ, означая первоначально и не скандинавовъ. Чтобы не отвлекаться отъ хода настоящаго очерка, вкратцѣ сообщу тѣ выводы относительно происхожденія имени варяговъ, къ которымъ я, пользуясь указаніями предшествующихъ изслѣдователей, пришелъ въ результатѣ спеціальнаго изученія. Varang— это передѣлка имени франковъ, имѣвшая мѣсто, повидимому, въ устахъ аваровъ и ими переданная какъ на югѣ, на Балканскій полуостровъ, такъ и на востокъ, восточнымъ славянамъ. Франками—варангами означались вообще германцы. Восточные славяне, такъ же какъ византійцы, назвали варангами скандинавовъ [2]).

---

[1]) Ср. Томсенъ, Начало русскаго государства, 95, 105; только въ позднѣйшей Thidrek's Saga и въ Völsunga Saga слово Vaeringjar употребляется въ смыслѣ имени скандинавовъ или норманновъ вообще. Ср. также словарь исландскаго языка Cleasby—Vigfusson'a.

[2]) Подъ варангами въ Византіи разумѣлись не только скандинавы, но и англо-саксы, входившіе въ составъ стражи императора. Едва-ли не самое позднее упоминаніе объ этихъ варангахъ находимъ въ повѣсти о взятіи Царяграда латынянами въ 1204 году.

Извѣстная часть скандинавовъ, селившаяся среди восточно-славянскихъ племенъ, а отсюда переходившая и въ Византію, называла себя, какъ кажется, Kylfingar. Откуда взялось это имя, неясно; неясно также, справедлива ли догадка нѣкоторыхъ ученыхъ, поставившихъ его въ связь со словомъ kylfr, означающимъ дубину, колъ,—или догадка Куника, сопоставившаго это имя съ исландскимъ словомъ kôlfr: копье, дротикъ („Каспій" Дорна, 662). Изъ скандинавскихъ источниковъ видно, что Kylfingaland называлась скандинавами Россія: Kylfingaland, that kollum ver Gardariki (Kylfingorum terra, quam vocamus Gardarikiam), сообщаетъ исландскій аббатъ Николай (XII в.); Kylfingaland, thar bigde Magog, that köllum vier Gardaryke (Kylfingorum terra, quam Magog inhabitavit, a nobis Gardarikia appellata) читается въ Rimbegla по списку XV в. По Эгилс'сагѣ 30 Kylfingar прибыли какъ-то съ востока къ финнамъ, т. е. лапландцамъ сѣверной Норвегіи [1]).

Совершенно ясно, что Kylfingar скандинавскихъ источниковъ должно быть отождествлено съ Κούλπιγγοι источниковъ византійскихъ. Мы находимъ ихъ въ числѣ народовъ, входившихъ въ составъ императорскихъ наемныхъ войскъ. Эти наемныя войска упоминаются въ нѣкоторыхъ привилегіяхъ, дававшихся императорами и освобождавшихъ отдѣльныя лица и учрежденія отъ постоя и содержанія ихъ; при этомъ Κούλπιγγοι упоминаются всегда рядомъ съ Βάραγγοι. Таковъ привилегій, данный импер. Константиномъ Дукой, подтверждающій прежніе привилегіи лавры св. Аѳанасія на Аѳонѣ и относящійся къ 1060 году (здѣсь въ числѣ наемныхъ войскъ названы Βάραγγοι Ῥῶς, Σαρακηνοί, Φράγγοι) [2]). Таковъ привилегій, данный императоромъ Михаиломъ VII Михаилу Атталіатѣ въ 1074 году (здѣсь въ составѣ наемныхъ войскъ упомянуты Ῥῶς Βάραγγοι, Κούλπιγγοι, Φράγγοι, Βούλγαροι, Σαρακηνοί) и подтвержденный въ 1079; далѣе привилегій, данный тѣмъ же императоромъ Андронику Дукѣ въ 1073 (здѣсь названы Ῥασοβαράγγοι, Κούλπιγγοι, Φράγγοι, Σαρακηνοί); наконецъ, привилегій, данный императоромъ Алексѣемъ Комниномъ монастырю св. Іоанна Богослова на Патмосѣ въ 1088 (здѣсь названы Ῥῶς, Βάραννοι, Κούλπιννοι, Ἴγγλινοι, Φράγγοι, Νέμιτσοι, Βούλγαροι, Σαρακηνοί, Ἀλανοί, Ἀβασγοί и Ἀθάνατοι, что Миклошичемъ въ Archiv, X, 5, исправлено въ Ἀθαμάνοι) [3]). Итакъ ясно, что Kylfingar вмѣстѣ съ русскими и варягами

---

[1]) Ссылки взяты изъ статьи Миклошича „Ueber die altrussischen Kolbjagen" (Archiv für slav. Phil. X).

[2]) См. у Куника въ „Каспій" Дорна, 661.

[3]) Эти привилегіи изданы въ Acta et diplomata graeca medii aevi, ed. Fr. Miklosich et I. Müller, V, 137 и 143; VI, 2 и 47.

служили въ войскахъ императора. Въ древне-русскихъ памятникахъ XI вѣка, притомъ вмѣстѣ съ варягами, упоминаются колбяги (кълбягъ); такъ въ Русской Правдѣ колбягъ встрѣчается рядомъ съ варягомъ, какъ названіе иностранца [1]). Отождествленіе колбяговъ съ Kylfingar сдѣлано уже давно [2]). Миклошичъ, кажется, первый обратилъ вниманіе на то, что наличность въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверо-западной Россіи географическихъ названій, связанныхъ съ именемъ колбяговъ, можетъ указывать на то, что въ этихъ мѣстностяхъ колбяги были осѣдлымъ населеніемъ. Такова по мнѣнію Миклошича мѣстность, простирающаяся отъ Тихвина въ юго-западномъ направленіи къ Пскову [3]). Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, признаемъ колбяговъ скандинавами, поселившимися въ сѣверо-западной Россіи среди финскихъ племенъ и покорившими себѣ нѣкоторыя изъ нихъ. Различіе между колбягами и варягами въ томъ, что варяги—это пришельцы, родина которыхъ Скандинавія, а колбяги—это скандинавы, поселившіеся въ той или иной области совр. Россіи; возможно различіе ихъ по происхожденію: варяги были шведами, а колбяги могли быть датчанами (какъ думали нѣкоторые изслѣдователи).

Судя по лѣтописи, варяги, призванные новгородцами, кривичами и другими сѣверными племенами, назывались русью. Русь, какъ читается въ географ. введеніи къ Повѣсти врем. лѣтъ, сидѣла вмѣстѣ съ другими варяжскими племенами по Варяжскому морю, на западъ. Изъ разсказа о призваніи князей въ 862 году выясняется, что призванные князья-братья взяли съ собой „всю Русь“ и поселились съ нею на сѣверѣ совр. Россіи; такая оговорка освобождала лѣтописца отъ необходимости дать отвѣтъ на вопросъ, есть ли, существуетъ ли русь за моремъ. Впрочемъ, весь разсказъ о призваніи руси показы-

[1]) При произведенномъ кѣмъ либо физическомъ насиліи, для взысканія съ него штрафа, надо выставить двухъ свидѣтелей; но если обиженный варягъ или колбягъ, то они могутъ ограничиться при своей жалобѣ присягой. Ср. 14-ю статью 1-ой древнѣйшей редакціи и 37-ю т. н. третьей редакціи. Слѣдующая 15-я статья 1-ой редакціи предусматриваетъ случай, когда чей-либо рабъ скроется у варяга или у колбяга; это не лишаетъ владѣльца раба права требовать его обратно; очевидно, варягъ и колбягъ упомянуты здѣсь для того, чтобы показать, что укрывательство раба чужеземцемъ приравнивается укрывательству его русскимъ или славяниномъ.

[2]) Напр. уже въ 1860 г. Миклошичемъ въ его изданіи Chronica Nestoris.

[3]) Ср. указанныя здѣсь Миклошичемъ поселенія: Колбяги въ Тихвинскомъ у. (иначе Климецкій погостъ) Порядная 1634 (А. Юр. 208), ср. соврем. Колбицкій погостъ въ Большегорской волости Тихвинск. у. на р. Воложбѣ, иначе называемый Колбеки (у Неволина: Климецкой въ Колбегахъ погостъ); далѣе: Колбежицы въ Псковской землѣ на Завелицкой сторонѣ р. Великой, упом. въ псковскихъ лѣтописяхъ подъ 1501 и 1636, ср. соврем. Колбижицы, погостъ при р. Великой, въ 30 верстахъ отъ Пскова.

ваетъ, что лѣтописцу приходилось не столько сообщать объ извѣстномъ и безспорномъ, сколько строить гипотезу, объясняющую, какимъ образомъ призванные на княженіе варяги принесли съ собой имя руси и дали его основанному ими государству. Ниже, въ слѣдующей главѣ, я вернусь къ вопросу о томъ, какія же дѣйствительныя историческія явленія осмыслилъ лѣтописецъ въ своемъ разсказѣ о призваніи князей. Здѣсь же извлекаю изъ него, а также и изъ другихъ мѣстъ Повѣсти вр. лѣтъ выводъ о томъ, что русью первоначально назывались скандинавы, основавшіе государство сначала съ центромъ въ Новгородѣ, потомъ въ Кіевѣ, что по ихъ имени названо самое это государство, а также вошедшія въ его составъ восточно-славянскія племена. Этотъ выводъ мы положимъ въ основаніе содержанія слѣдующей главы и подкрѣпимъ его нѣкоторыми еще историческими соображеніями, а здѣсь приведемъ нѣсколько данныхъ въ пользу того, что русью первоначально назывались въ Россіи скандинавы.

Главнымъ и въ полномъ смыслѣ рѣшающимъ доводомъ является то, что до сихъ поръ „Русью" называютъ Скандинавію западные финны. По фински-суоми Швеція называется Ruotsi, при чемъ отношеніе Ruotsi къ Русь такое же, какъ отношеніе Suomi къ древнерусскому Сумь (напр. въ 1-ой Новгор. лѣтописи); по эстонски Rôts, на языкѣ води Rôtsi, по ливски Rúotsi [1]).

Если таково обще-западно-финское названіе Швеціи, то ясно, что и въ IX в. подъ Ruotsi, Русь, разумѣлись именно скандинавы; связь финскаго Ruotsi со Скандинавіей, съ одной стороны, Русью въ значеніи основавшихъ русское государство скандинавовъ, съ другой, можетъ быть понята такъ, что восточные славяне назвали скандинавовъ тѣмъ самымъ именемъ, какое имъ давали финны; но такое пониманіе не только не противорѣчитъ тѣмъ вѣроятнымъ условіямъ, въ которыхъ по отношенію къ финнамъ и скандинавамъ находились, напримѣръ, новгородскіе словѣне и кривичи, но оно даже вытекаетъ изъ нихъ съ полною необходимостью: скандинавы осѣли сначала среди финновъ, а потомъ покорили себѣ сосѣднихъ славянъ. Правда, славяне называли скандинавовъ варягами, но, какъ уже нами было указано выше, варягами они называли пришлыхъ изъ за моря скандинавовъ; сидѣвшихъ же по сосѣдству съ ними они называли по тѣмъ или другимъ основаніямъ — колбягами или русью. Цѣннымъ подтвержденіемъ того, что еще въ X вѣкѣ подъ Русью разумѣлись преимущественно скандинавы, является то извѣстное мѣсто въ трудѣ Константина Багрянороднаго, гдѣ онъ, описывая плаваніе на однодерев-

[1]) Томсенъ, l. c., 82; шведа финны называютъ—Ruotsalainen, эстонцы—Rôtslane, водь—Rôtsalainê.

кахъ въ Константинополь изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Вышгорода, перечисляетъ днѣпровскіе пороги; онъ приводитъ ихъ имена на двухъ языкахъ русскомъ (ῥωσιστί) и славянскомъ (σκλαβηνιστί); анализъ этихъ именъ доказываетъ, что русскія названія оказываются скандинавскими, а славянскія—дѣйствительно славянскими [1]). Указанные два довода въ пользу того, что русью назывались первоначально скандинавы, находятъ себѣ полное соотвѣтствіе еще въ цѣломъ рядѣ данныхъ, цѣнныхъ, быть можетъ, не сами по себѣ, а въ общей связи съ приведенными основными доводами. Такъ напр. въ нѣкоторыхъ спискахъ Амартола, также у Симеона Логоѳета читается въ разсказѣ о нападеніи руси на византійскіе предѣлы (въ 941 году), при имени руси: „называемые Дромитами, происходящіе отъ рода Франковъ", что славянскій переводчикъ передалъ „происходящіе отъ рода Варяжскаго"; отсюда видно, что для византійцевъ отношеніе Rhōs къ варангамъ или франкамъ было такое-же, какъ для восточныхъ славянъ отношеніе руси къ варягамъ. Отъ этого зависѣло соединеніе Rhōsovarangoi (которое мы уже видѣли напр. въ привилегіи имп. Михаила VII—1073 года), Rhōsvarangoi, Varangoi-Rhōs [2]). Далѣе византійскому извѣстію о первомъ нападеніи Русовъ (Rhōs) на Царьградъ (въ 860 году) соотвѣтствуетъ въ Chronicon venetum Іоанна Діакона, доведенномъ имъ до 1008 года, извѣстіе о нападеніи на Константинополь норманскихъ народовъ (Normannorum gentes), явившихся въ числѣ 360 кораблей [3]). Италіанецъ Ліудпрандъ въ трудѣ, составленномъ около 970 г., писалъ: Gens quaedam est sub aquilonis parte constituta, quam a qualitate corporis Greci vocant Ῥούσιος Rúsios, nos vero a positione loci nominamus Nordmannos [4]). Финское названіе для Скандинавіи и скандинавовъ перешло не только къ восточнымъ славянамъ, но также, можетъ быть, черезъ посредство послѣднихъ, къ арабамъ; только такъ можно объяснить сообщеніе Ибрагима Ибнъ-Якуба о томъ, что Рŷс-ы производятъ набѣги на Брŷсовъ (т. е. прусовъ) на корабляхъ съ запада; подъ этими русами можно разумѣть только датчанъ [5]). Наконецъ, сошлемся на сообщеніе

[1]) Отсылаю къ назв. труду В. Томсена. Здѣсь приведу для примѣра названіе второго порога: Ῥωσιστὶ μὲν Οὐλβορσὶ Σκλαβινιστὶ δὲ Ὀστροβουνίπραχ, ὅπερ ἑρμηνεύεται τὸ νησίον τοῦ φραγμοῦ; совершенно ясно, что русское имя это скандинавское Holmfors (островъ водопада), а славянское это—островьный прагъ (островной порогъ).

[2]) См. В. Г. Васильевскій, Труды; Куникъ въ „Каспій" Дорна, 661.

[3]) Monum. hist. Germ. Script. VII, 18; Куникъ, l. c., 373.

[4]) Liudprandi Antapodosis, V, cap. 15; ср. у Куника въ „Каспій" Дорна; Marquart, Osteurop. und ostasiat. Streifzüge, 349, и др.

[5]) См. Извѣстія Ал-Бекри, перев. бар. Розена, с. 51; Куникъ, тамъ же, 87; Westberg, Ibrâhîm's-Ibn-Iàkûb's, Reisebericht, 56 и 142.

Бертинскихъ анналовъ подъ 838 г., о которомъ ниже: изъ него видно, что люди, называвшіе сами себя Rhos, оказались при ближайшемъ разслѣдованіи шведскаго рода.

Происхожденіе имени Руси, несмотря на настойчивыя старанія ученыхъ, остается темнымъ. Съ увѣренностью можно сказать, что болѣе первоначальною его формой было Rōs, ср. греческое имя, а также приведенныя выше эстонское Rôts, водское Rôtsi; далѣе вѣроятно, что конечной согласной было не s, а какая-то группа согласныхъ, ибо только такъ можно понять и финскія формы съ ts и старошведское Ryds, Rydsar, и старонорвежское Rûzâland, Rûciland и древневерхненѣм. Rûz, Rûzâ, средневерхненѣм. Riuze [1]).

Наконецъ, весьма вѣроятнымъ приходится признать, что этимъ именемъ называли себя и сами осѣвшіе въ Россіи скандинавы: это видно, во-первыхъ, изъ различной передачи его, съ одной стороны, русскими (Русь), а съ другой греками (῾Ρῶς), во-вторыхъ, изъ того, что скандинавы, прибывшіе къ императору греческому Ѳеофилу, а имъ препровожденные въ 838 г. ко двору имп. Людовика Благочестиваго, сами себя назвали Rhos. Въ виду этого считаю необходимымъ этимологію имени Русь искать въ скандинавскомъ языкѣ, допуская, что въ русскій языкъ оно могло попасть черезъ посредство финновъ [2]).

---

[1]) Ср. Куникъ въ „Каспій" Дорна, с. 672-673. Указанію Маркварта (l. c., 353) на то, что финское Ruotsi было бы передано въ русскомъ языкѣ скорѣе черезъ Ручь, чѣмъ черезъ Русь, можно противоставить такое соображеніе: въ древнерусскомъ языкѣ звуки ц и ч были извѣстны только какъ палатальные; для передачи ts (c) непалатальнаго естественно было употребить звукъ s. Діалектически могла быть извѣстна передача Ruotsi и черезъ Ручь (ср. указанныя Куникомъ, l. c., зырянское роч̌j, рӧч̌j: русскій; также діалектическое западнофинское ч вм. ц); ср. названіе рѣки Неручь въ бассейнѣ Болвы, лѣваго притока Десны (въ Калужской губ.); это названіе сопоставьте съ названіемъ Неруса (лѣвый притокъ Десны).

[2]) Новое обоснованіе объясненія Куника (даннаго въ книгѣ, „Berufung der schwedichen Rodsen"), который выводилъ названіе Русь изъ названія прибрежья шведской области Упланда, Рослагена (Roslagen), см. у Томсена „Объ основаніи русскаго государства". Въ „Каспій" Дорна Куникъ предложилъ другое объясненіе: онъ сблизилъ имена Ruotsi и Русь съ древнесѣверскимъ Hreidhgotar или Reidhgotar, англосакс. *Hrédhgotan, предположивъ, что первоначальная форма этого имени гласила Hrōthigutans. Вѣроятно, это дало основаніе А. С. Будиловичу въ докладѣ, прочитанномъ на восьмомъ археол. съѣздѣ въ Москвѣ, поднять вопросъ о готскомъ происхожденіи Руси (см. отчетъ Е. Шмурло въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1890, май). Разборъ предположеній Куника и Будиловича, а также остроумное обоснованіе вѣроятности перваго изъ нихъ см. у Ѳ. Брауна, Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній, с. 1 и сл., а въ особенности, с. 17-18.

ГЛАВА V.

Начало русскаго государства.

Разсказъ лѣтописца объ образованіи русскаго государства начинается со слѣдующаго краткаго сообщенія: „Варяги, приходя изъ заморья, брали дань на Чуди, Словѣнахъ, Мерѣ, Веси и Кривичахъ; а Хазары брали дань на Полянахъ, Сѣверянахъ и Вятичахъ". Этими немногими словами опредѣляются политическія отношенія, сложившіяся въ Россіи въ первой половинѣ IX вѣка. Почти все восточное славянство и значительная часть финскаго населенія Россіи попали въ двѣ разныя политическія сферы: сѣверъ и сѣверозападъ въ сферу скандинавскаго вліянія, а югъ и юговостокъ въ сферу хазарскаго вліянія. Что касается этого второго вліянія, то способы его осуществленія опредѣляются тѣмъ обстоятельствомъ, что хазары въ VII-VIII вѣкѣ образовали большое и могущественное государство въ юговосточной Россіи; политическимъ средоточіемъ его былъ Итиль, недалеко отъ впаденія Волги въ Каспійское море; къ обладанію надъ славянами хазаръ привели, очевидно, военные походы, закончившіеся подчиненіемъ названныхъ выше племенъ.

Мы указывали выше на наличность въ донскомъ бассейнѣ восточнославянскаго населенія; конечно, прежде всего оно попало подъ владычество хазаръ; благодаря покоренію этого населенія власть хазаръ распространилась и на сидѣвшихъ сѣвернѣе вятичей, а далѣе и на сѣверозападъ, ибо, судя по лѣтописи, данниками хазаръ были и радимичи (см. подъ 885 г.); владычество надъ восточными славянами въ донскомъ бассейнѣ привело хазаръ и къ покоренію сидѣвшихъ на Деснѣ и среднемъ теченіи Днѣпра—сѣверянъ. Такимъ то образомъ распространилась власть хазаръ до Днѣпра. Можно думать, что въ VIII в. сфера вліянія хазаръ сталкивалась на Днѣпрѣ со сферой вліянія аваровъ; паденіе аваровъ дало хазарамъ возможность распространить свое вліяніе и на правобережныхъ полянъ; лѣтопись занесла преданіе о томъ, какъ попали подъ хазарскую руку воинственные поляне.

Менѣе ясны пути и средства политическаго вліянія варяговъ, о которомъ говоритъ въ приведенномъ сообщеніи лѣтописецъ; они не освѣщены и лѣтописью; лѣтопись ничего не говоритъ объ основаніи варягами государства, откуда распространялось ихъ вліяніе, ничего не знаетъ о покореніи ими восточнославянскихъ племенъ, словѣнъ и кривичей, хотя и даетъ основаніе догадываться, что на сѣверозападѣ Россіи былъ такой политическій центръ варяговъ, откуда они господствовали надъ финскими и восточно-славянскими племенами. Умолчаніе лѣтописи возмѣщается, во-первыхъ, свидѣтельствомъ нѣкоторыхъ другихъ источниковъ, во-вторыхъ, анализомъ послѣдующихъ событій. Эти послѣдующія событія даютъ основаніе догадываться и о томъ, какъ постепенно складывалось на сѣверѣ Россіи варяжское государство, захватившее во второй половинѣ IX в. днѣпровскій путь, овладѣвшее Кіевомъ и перенесшее туда свое могущество. Остановлюсь сначала на тѣхъ свидѣтельствахъ, которыя относятся къ событіямъ, оставшимся неизвѣстными лѣтописцу.

Нѣкоторыя изъ такихъ свидѣтельствъ разсмотрѣны выше. Мы видѣли, что археологическія данныя устанавливаютъ наличность болѣе или менѣе обширныхъ скандинавскихъ поселеній въ IX—X вѣкѣ на территоріи Россіи въ предѣлахъ современной Петроградской, Новгородской, Смоленской, Ярославской, Владимірской и др. губерній. Очевидно, въ этихъ поселеніяхъ нельзя видѣть простыя факторіи, торговые поселки скандинавовъ; это были административные центры куда свозилась собираемая дань и награбленная добыча; господство приходившихъ изъ заморья варяговъ проводилось именно черезъ подобные центры. Цѣннымъ дополненіемъ къ свидѣтельствамъ археологіи является то̀, что можно извлечь о судьбахъ Россіи изъ древнѣйшихъ арабско-персидскихъ историко-географическихъ сочиненій.

Сравнительное изученіе данныхъ о славянахъ и русахъ, сообщаемыхъ Ибнъ-Рустэ, Гардизи, Ал-Бекри, а также анонимнымъ персидскимъ географомъ X в. [1]), показало, что всѣ четверо имѣли одинъ общій источникъ, каковымъ надо признать географическій трудъ

[1]) Ибнъ-Рустэ см. въ трудѣ Д. Хвольсона, Извѣстія Ибнъ-Дасты о хазарахъ буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и русскихъ, СПБ. 1869, а также въ трудѣ А. Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ, СПБ. 1870, с. 260-270; Гардизи (Гурдѣзи, Кардизи) см. въ Отчетѣ о поѣздкѣ въ среднюю Азію В. Бартольда (Записки Ак. Наукъ по историко-филол. отдѣленію, т. I, № 4, 1897, Приложеніе, с. 78-126; Ал-Бекри см. А. Куникъ и бар. В. Розенъ, Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ (Прил. къ XXXII т. Зап. Ак. Наукъ, 1878); анонимнаго персидскаго географа см. въ статьѣ А. Туманскаго, Новооткрытый персидскій географъ X столѣтія и извѣстія его о славянахъ и руссахъ (Зап. Вост. Отд. Имп. Русскаго Археол. Общ., т. X, 1896).

Гайхāни (Джейхāнӣ), составленный, повидимому, послѣ 922—3 года; Джейхани использовалъ старшія свидѣтельства и въ числѣ ихъ такія, которыя восходятъ къ первой половинѣ IX ст. [1]). Къ одному изъ такихъ старшихъ источниковъ восходитъ нижеслѣдующее мѣсто Ибнъ-Рустэ, находящее себѣ соотвѣтствіе у Гардизи: „Что касается до Русіи, то находится она на островѣ, окруженномъ озеромъ. Островъ этотъ, на которомъ живутъ они (русь), занимаетъ пространство трехъ дней пути [2]); покрытъ онъ лѣсами и болотами; нездоровъ онъ и сыръ до того, что стоитъ наступить ногою на землю, и она уже трясется по причинѣ обилія въ ней воды. Они имѣютъ царя, который зовется хаканъ-Русъ. Они производятъ набѣги на славянъ, подъѣзжаютъ къ нимъ на корабляхъ, высаживаются, забираютъ ихъ (славянъ) въ плѣнъ, отвозятъ въ Хазранъ [3]) и Булгаръ и продаютъ тамъ". Мнѣ кажется отсюда несомнѣннымъ тотъ выводъ, который изъ приведеннаго отрывка сдѣлалъ Вестбергъ (Beiträge, 219), что русы образовывали на славянскомъ сѣверѣ военно-организованную, ведшую торговлю, разбойническую колонію численностью до ста тысячъ человѣкъ.

Не ясно, что̀ былъ за островъ, гдѣ арабы полагали русское государство. Едва ли подъ островомъ разумѣлся городъ Новгородъ, называвшійся, правда, скандинавами Holmgardr, т. е. островнымъ городомъ; самое имя Новгорода показываетъ, что ему предшествовалъ другой городъ, другой политическій центръ; возможно, что на Новгородъ перенесено скандинавами названіе Holmgardr, относившееся ими къ прежнему полит. центру, и вѣроятно соотвѣтствовавшее физическимъ условіямъ мѣстности (островной городъ). Останавливаемся на предположеніи, что названіе города переносилось на всю страну, а названіе страны (островной городъ) вызывало въ иностранцахъ представленіе о томъ, что она вся составляетъ островъ, вмѣщается на островѣ. Не будемъ поэтому искать острова, могшаго вмѣстить до ста тысячъ жителей на сѣверѣ Россіи, хотя несомнѣнно, что здѣсь не мало областей, ограниченныхъ озерами, болотами, рѣками и потому въ извѣстномъ смыслѣ соотвѣтствующихъ представленію объ островѣ. Вѣроятнымъ представляется, что островнымъ островомъ, Holmgardr, скандинавы называли городъ, по-

---

[1]) Marquart, Osteur. u. ostasiat. Streifzüge, 25 и 160 сл.; F. Westberg, Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa (Изв. Ак. Наукъ, 5-я серія, т. XI), S. 1 (212).

[2]) У Гардизи: „Длина и ширина острова три дня пути"; „на этомъ островѣ живутъ до 100 тысячъ людей".

[3]) У Ибнъ-Рустэ ошибочно Харванъ, что Хвольсономъ и Гаркави исправлено въ Хазранъ.

лучившій позже (послѣ основанія Новгорода) имя Старой Русы. Городъ этотъ расположенъ на обоихъ берегахъ Полисти въ незначительномъ разстояніи отъ Новгорода; Новую Русу находимъ въ видѣ селенія, на рѣкѣ Полѣ въ Демянскомъ уѣздѣ; другую Новую Русу— на западноевропейскихъ картахъ XVI и XVII вѣка на рѣкѣ Шелони тамъ, гдѣ новгородскіе источники указываютъ погостъ Струпинской; мы не знаемъ о времени основанія этихъ поселеній изъ лѣтописей, но Старая Руса (подъ именемъ Руса) упоминается уже въ 1167 году [1]). Отмѣтимъ въ Русѣ Островъ, очевидно между обоими берегами Полисти; на немъ игуменъ Мартирій срубилъ въ 1192 году церковь и монастырь во имя Св. Преображенія. Рѣчка, впадающая въ Полисть въ самомъ городѣ, называется Порусьей; мѣстность вокругъ города носила названіе Околорусья, какъ видно изъ Писцовыхъ книгъ около 1498 года и 1498 года [2]). Это можетъ указывать на древность названія Русы. Мы видѣли, что скандинавы производили оживленный торгъ съ волжскими болгарами и хазарами; ихъ купцы направлялись по Волгѣ; въ Итилѣ, какъ видно изъ сообщенія Ал-Бекри, знали, что Волга течетъ въ страну хазаръ изъ страны русовъ [3]); это можетъ служить лишнимъ указаніемъ на то, гдѣ искать древнѣйшую Русь. Сношенія съ хазарами доказываются не только вещественными памятниками вродѣ тѣхъ кладовъ, которые содержатся въ могильникахъ верхняго Поднѣпровья, озерной области и бассейна верхней Двины, но также и титуломъ царя русовъ, сообщаемымъ въ приведенномъ отрывкѣ: хаканъ-Рўсъ; называя себя каганомъ, русскій конунгъ подражалъ очевидно хазарскому владыкѣ [4]).

Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ можно видѣть указаніе на то политическое развитіе, какого русская держава достигла еще на сѣверѣ; военная организація приняла государственныя формы; это поставило на разрѣшеніе не только злободневные вопросы, вызываемые стремленіемъ къ удовлетворенію непосредственныхъ потребностей, но также и болѣе далекіе вопросы; къ таковымъ относилась

---

[1]) Варіантъ „Русь" (изгониша Литва Русь оли до търгу) въ Синод. сп. подъ 1234, быть можетъ, вызванъ ошибкой.

[2]) Новгор. писцовыя книги, т. V, Книги Шелонской пятины, с. 43, 215, 329, ср. Порховское окологородье, Ивангородское окологородье.

[3]) „И Ал-Хазаръ есть имя этой страны, а главный городъ ихъ состоитъ изъ двухъ частей: на восточномъ и западномъ берегахъ рѣки Итиля. Это—рѣка, которая къ нимъ течетъ отъ Рўсовъ и впадаетъ въ море Хазарское". Ал-Бекри, с. 60.

[4]) Какъ увидимъ ниже, наличность такого титула подтверждается и съ другой стороны (сообщеніемъ Бертинскихъ лѣтописей); интересъ къ титулованію владѣтелей обнаруживается арабами и въ другихъ сообщеніяхъ, ср. напр. у Хордадбея: „царь Славянъ называется Кнадзъ" (Гаркави, 1. с., 48).

прежде всего забота объ обезпеченіи многочисленнаго военнаго люда, сосредоточившагося въ новомъ государствѣ. Отсутствіе на мѣстѣ достаточнаго количества хлѣба, необходимость организовать его подвозъ выдвигали естественно, какъ неотложную задачу, завладѣніе Днѣпромъ, ведущимъ въ плодородныя мѣстности. Но на пути къ житницамъ стояли большія преграды: русь могла ждать отпора отъ сидѣвшихъ по Днѣпру племенъ, кривичей, радимичей, дреговичей, сѣверянъ, древлянъ и другихъ, а также, быть можетъ, организаціи такого отпора со стороны хазаръ, данниками которыхъ были племена лѣвобережныя. Послѣднее обстоятельство, т. е. неизбѣжность столкновенія съ хазарами, побудило русскаго кагана искать союзниковъ противъ хазаръ; онъ обратился съ посольствомъ къ византійскому императору. Свѣдѣнія объ этомъ посольствѣ находимъ въ анналахъ Пруденція—епископа города Труа (Prudentii episcopi Trecensium Annales), входящихъ въ составъ Бертинскихъ анналовъ (Annales Bertiniani) и обнимающихъ 835—861 годы[1])

Мы узнаемъ изъ лѣтописной статьи 839 года, что въ этомъ году къ императору Людовигу Благочестивому прибыло посольство отъ императора византійскаго Ѳеофила съ дарами и письмомъ; посольство было принято торжественно въ Ингельгеймѣ 18 Мая; вмѣстѣ со своими послами императоръ прислалъ нѣсколько людей, „которые говорили, что они, т. е. ихъ народъ, называются Rhos и которыхъ (по словамъ императора) направилъ къ нему ихъ царь, по имени Хаканъ, для заключенія дружбы, какъ они утверждали; императоръ въ упомянутомъ письмѣ просилъ (Людовига), чтобы имъ было милостиво предоставлены по всему его государству возможность и средства вернуться, такъ какъ пути, по которымъ они прибыли къ нему въ Константинополь, находятся въ рукахъ варварскихъ и весьма жестокихъ народовъ, почему онъ не захотѣлъ, чтобы они возвращались по этимъ путямъ, опасаясь какъ бы ихъ случайно не постигла опасность“ [2]).

Императоръ Людовигъ, тщательнѣе распросивъ пословъ о причинѣ ихъ прибытія (въ Константинополь), узналъ, что они родомъ шведы, (comperit eos gentis esse Sueonum); полагая, что это скорѣе соглядa-

---

[1]) Пруденцій умеръ вскорѣ послѣ 861 года. См. Monum. hist. Germ Script. I.

[2]) Misit etiam cum eis quosdam, qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant. quos rex illorum, Chacanus vocabulo, ad se amicitiae, sicut asserebant, causa direxerat, petens per memoratam epistolam, quatenus benignitate imperatoris redeundi facultatem atque auxilium per imperium suum totum habere possent, quoniam itinera per quae ad illum Constantinopolim venerant, inter barbaros et nimiae feritatis gentes immanissimas habuerant, quibus eos, ne forte periculum inciderent redire noluit.

таи, чѣмъ люди, прибывшіе для заключенія дружбы, Людовигъ рѣшилъ удержать ихъ до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ вправду, приходили ли они къ Θеофилу съ дружественными намѣреніями или нѣтъ. Объ этомъ Людовигъ сообщилъ Θеофилу черезъ упомянутыхъ его пословъ и написалъ также письмо о томъ, что онъ по дружбѣ къ нему принялъ ихъ любезно и что они будутъ отосланы съ охраной, если они окажутся имѣющими дружественныя намѣренія и если будетъ возможность имъ вернуться въ отечество безъ опасности; иначе, онъ направитъ ихъ со своими послами къ нему, чтобы Θеофилъ самъ рѣшилъ, какъ поступить съ таковыми.—Итакъ въ приведенномъ сообщеніи Пруденція русскій верховный правитель названъ каганомъ; это подтверждаетъ приведенное выше арабское свидѣтельство. Послы русскаго кагана пожелали вернуться на родину, т. е. на сѣверозападъ Россіи, кружнымъ путемъ, очевидно, потому, что не надѣялись на свободный пропускъ черезъ Днѣпръ; это служитъ яснымъ указаніемъ на то, что путь этотъ въ то время еще не былъ въ рукахъ русскаго кагана; его послы могли пробраться въ Константинополь этимъ путемъ подъ видомъ торговцевъ (ср. разсказъ о князѣ Олегѣ, объявившемъ себя купцомъ, ѣдущимъ въ Царьградъ), но возвращаться тѣмъ-же путемъ имъ, какъ видно, не пришлось, быть можетъ, потому, что хазары, освѣдомившись о направленныхъ противъ нихъ переговорахъ въ Константинополѣ, дали или могли дать распоряженіе о задержаніи русскихъ пословъ.

Въ результатѣ достигнутаго съ ромеями соглашенія или въ результатѣ скопленія вокругъ русскаго кагана достаточныхъ силъ, вѣроятно, вскорѣ послѣ 839 года началось движеніе руси на югъ. Объ этомъ можно догадываться по тому обстоятельству, что въ 860 году мы видимъ русскихъ уже подъ стѣнами Царьграда; этому походу должно было предшествовать болѣе или менѣе продолжительное существованіе русской державы на югѣ; чтобы утвердиться здѣсь, ей пришлось вести борьбу съ хазарами и покорять силой оружія восточнославянскія племена, сидѣвшія на верхнемъ и среднемъ теченіи Днѣпра; вновь возникшая держава должна была себя обезопасить еще и отъ южнаго врага, могущественной мадьярской орды; все это требовало продолжительныхъ усилій. Но кромѣ того юной Кіевской державѣ могли угрожать опасности съ сѣвера отъ другихъ скандинавскихъ государствъ, тамъ основавшихся. Русская лѣтопись отчетливо помнитъ имена первыхъ князей кіевскихъ: это Аскольдъ и Диръ; какъ было уже давно высказано, весьма вѣроятно, что они княжили не вмѣстѣ, а въ извѣстной преемственности; лѣтопись сообщаетъ о томъ, что они оба были убиты одновременно въ 882 году по приказанію Олега; но то обстоятельство, что ихъ

могилы находились въ разныхъ частяхъ города Кіева, дѣлаетъ это лѣтописное извѣстіе сомнительнымъ; лѣтописецъ какъ будто захотѣлъ избавиться отъ двухъ извѣстныхъ ему старыхъ князей кіевскихъ сразу, чтобъ объяснить появленіе на ихъ мѣстѣ Олега; вообще весь разсказъ о вокняженіи Олега въ Кіевѣ и устраненіи Аскольда и Дира носитъ весьма тенденціонный характеръ, какъ на это было уже обращено вниманіе нашими историками: Аскольдъ и Диръ представлены какими-то узурпаторами власти, законными носителями которой считаетъ себя прибывшій изъ Новгорода князь. Едва ли подлежитъ какому-либо сомнѣнію, что весь разсказъ лѣтописи (какъ Повѣсти вр. лѣтъ, такъ и предшествовавшаго ей Начальнаго свода) сообразованъ съ извѣстными династическими интересами правящаго княжескаго дома; потомки Рюрика представляются единственными по праву носителями власти во всѣхъ восточнославянскихъ земляхъ; ими началась русская земля, отъ нихъ пошла власть, призванная къ тому, чтобы объединить всю страну; эта власть не терпитъ рядомъ съ собой другой власти, ревниво относясь къ возможному существованію таковой также и въ прошломъ.

Передъ кіевскими великими князьями ставится задача покоренія мѣстныхъ конунговъ на сѣверѣ (подобныхъ Рогволоду въ Полотскѣ, Туры въ Туровѣ), племенныхъ князей, подобныхъ князю Малу деревскому на югѣ: это побуждаетъ ихъ мнить себя основателями русскаго государства и отрицать фактъ основанія государства не ими, не ихъ династіей, а предшествовавшими имъ русскими каганами. Возвращаясь къ Аскольду и Диру, я еще разъ останавливаюсь на вопросѣ объ опасностяхъ, грозившихъ имъ отъ оставленнаго ими сѣвера. Какъ извѣстно, ихъ власть кончилась въ Кіевѣ благодаря нашествію скандинавскаго князя, шедшаго изъ Новгорода; но, повидимому, и раньше кіевскимъ князьямъ пришлось бороться съ сѣверными конунгами. Въ Никоновской лѣтописи XVI вѣка подъ 865 годомъ читаемъ: „Того же лѣта воеваша Асколдъ и Диръ Полочанъ и много зла сътвориша“ [1]. У насъ нѣтъ основаній считать это и нѣкоторыя другія извѣстія Никоновской лѣтописи, не достающія въ древнихъ лѣтописяхъ, придуманными въ XVI вѣкѣ; Никоновская лѣтопись могла использовать какіе-нибудь старшіе, до насъ недошедшіе источники и между прочимъ, какъ кажется, историческія пѣсни, былины. Сообщеніе о войнѣ Аскольда и Дира съ полочанами представляется весьма правдоподобнымъ. Русскій каганъ, перенеся свою державу въ Кіевъ, естестественo стремился удержать за собой и свои старыя вла-

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. IX, 9.

дѣнія на сѣверѣ, но ему пришлось отбивать ихъ отъ сосѣднихъ скандинавскихъ владѣльцевъ, сила которыхъ возросла послѣ удаленія русовъ на югъ. Вспомнимъ еще разъ позднѣйшее столкновеніе Полоцка съ Новгородомъ въ 980 году, когда Владиміръ побѣдилъ варяжскаго конунга Рогволода; вспомнимъ отмѣченныя нами поселенія колбяговъ—Kylfingar, также сосѣдившія съ русской сѣверной державой.

Молодое русское государство, основавшееся въ Кіевѣ, какъ мы видѣли, около 840 года, нашло въ себѣ достаточно силъ для того чтобы въ 860 году совершить морской походъ на Царьградъ. Благодаря открытой въ 1894 году Fr. Cumont, профессоромъ Гентскаго университета, лѣтописной замѣткѣ, теперь извѣстно, что русы явились подъ стѣнами Византіи 18 іюня 860 года. Х. Лопареву посредствомъ анализа „Слова о положеніи ризы Богородицы во Влахернахъ", а также упомянутаго выше сообщенія о походѣ русовъ въ Венеціанской хроникѣ XII в., двухъ рѣчей патріарха Фотія по поводу русскаго нашествія и нѣкоторыхъ другихъ свидѣтельствъ удалось доказать, что этотъ походъ окончился совсѣмъ не такъ, какъ объ этомъ говоритъ Симеонъ Логоѳетъ (продолжатель Амартола), а окончился почетнымъ для русскихъ миромъ, заключеннымъ подъ стѣнами Царьграда, послѣ чего они, 25 іюня, удалились отъ города [1]).

Совершенно ясно, что такой блестящій исходъ великаго предпріятія укрѣпилъ тѣ основанія, на которыхъ покоилось Кіевское государство. Но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ него потребовались новыя и, повидимому, чрезмѣрныя напряженія, такъ какъ море, приковавшее къ себѣ вниманіе кіевскаго князя, было отрѣзано отъ его земель печенѣжскою и мадьярскою ордами, а также восточнославянскимъ племенемъ уличей, такъ какъ и съ востока кіевскому князю грозили хазары, властвовавшіе надъ ближайшими сосѣдями Кіева, сѣверянами. Трудныя условія, въ которыхъ оказалось русское государство, повели къ самымъ значительнымъ осложненіямъ на сѣверѣ. Входившія здѣсь въ составъ его племена скинули съ себя русское иго, изгнали русскихъ посадниковъ и стали управляться самостоятельно. Заключаю объ этомъ изъ лѣтописнаго сообщенія: „Изгънаша Варягы за море, и не даша имъ дани и почаша сами собѣ володѣти"; замѣна варягами руси, которую на самомъ дѣлѣ изгнали словѣне, кривичи меря и чудь (ср. Начальный сводъ), вполнѣ естественна для отдаленнаго преданія, восходящаго къ тому времени, когда русь и варяги были частью синонимами. Отложеніе сѣвера отъ Кіевскаго государства

---

[1]) Визант. Врем. 1895 (II), с. 581 слѣд.

повело за собой тѣ самыя послѣдствія, которыми позже сопровождались аналогичныя явленія: кіевскій князь собрался походомъ противъ кривичей, словѣнъ, чуди и мери. Ср. походъ Ярополка противъ Новгорода, куда онъ сажаетъ своихъ посадниковъ, когда отъ него отложился сидѣвшій въ Новгородѣ братъ его Владиміръ Святославичъ; ср. затѣмъ походъ Владиміра противъ своего сына Ярослава, князя Новгородскаго, когда тотъ задумалъ отложиться отъ Кіевской державы.

Вѣсть о движеніи кіевскаго князя побудила названныя племена обратиться за море, къ варягамъ и просить ихъ о помощи; такъ поступилъ позже, въ 980 году Владиміръ: онъ бѣжалъ за море къ варягамъ, опасаясь Ярополка, кіевскаго князя, и вернулся въ Новгородъ во главѣ варяжской дружины; такъ поступилъ Ярославъ въ 1014 году, услышавъ о задуманномъ противъ него походѣ кіевскаго князя Владиміра; онъ послалъ за море и вызвалъ оттуда большое вспомогательное варяжское войско; въ 1018 году, послѣ пораженія у Волыни, Ярославъ снова обратился за помощью къ варягамъ. Такъ же и въ концѣ IX вѣка въ Новгородъ и другіе племенные центры явились варяжскія наемныя войска; лѣтопись сообщаетъ о фактѣ призванія варяговъ, варяжскихъ князей; въ ней отразилось народное преданіе, соотвѣтствовавшее исторической дѣйствительности. Варяжскіе князья были призваны однако не для того только, чтобы княжить и володѣть, но главнымъ образомъ для того, чтобы отразить русскаго князя, положившаго покарать виновныхъ и возстановить свою власть въ изгнавшихъ его посадниковъ городахъ. Возможно что борьба варяжскаго сѣвера съ русскимъ югомъ была продолжительна; это прежде всего повело сѣверные города къ заключенію тѣснаго союза и къ признанію какъ одного общаго центра, такъ и одной общей власти; власть эта сосредоточилась въ рукахъ князя, сидѣвшаго въ Новгородѣ. Лѣтопись знаетъ его имя: это Рюрикъ, родоначальникъ княжеской династіи. У насъ нѣтъ основанія считать Рюрика легендарной личностью; но понятно, что данныя объ его родствѣ съ Синеусомъ и Труворомъ, варяжскими князьями, сѣвшими на Бѣлоозерѣ и въ Изборскѣ, равно и объ его отношеніи къ Игорю обязаны догадкѣ лѣтописца или находчивости народнаго преданія. Лѣтопись указываетъ на 6370 (862) годъ, какъ на годъ призванія сѣверными племенами трехъ князей-братьевъ. Не буду останавливаться на гаданіяхъ о томъ, какъ дошелъ составитель Повѣсти вр. лѣтъ до этого года, но отмѣчу, что въ Начальномъ сводѣ первымъ лѣтописнымъ годомъ является 6362 (854) годъ, на который не безъ основанія, но по явному недоразумѣнію отнесенъ первый походъ

русовъ на Царьградъ; во всякомъ случаѣ и 6370 годъ обязанъ только догадкѣ лѣтописца и не можетъ быть признанъ за достовѣрную дату. Одно представляется несомнѣннымъ: во второй половинѣ IX вѣка на мѣсто русскаго государства, основаннаго скандинавами на сѣверозападѣ Россіи, возникаетъ здѣсь, со средоточіемъ въ Новгородѣ, новое варяжское государство. Въ его созданіи приняли живое участіе мѣстные, туземные элементы, народъ; въ этомъ отличіе новаго государства отъ стараго, основаннаго завоевателями, иноземными насильниками; въ зависимости отъ этого стояло и различіе какъ въ строѣ, такъ и въ размѣрахъ территоріи новаго варяжскаго государства сравнительно со старымъ русскимъ. Это послѣднее государство представляется разбойничьимъ гнѣздомъ: „пашенъ они (русы) не имѣютъ,—сообщалъ Джейхани, а за нимъ Ибнъ-Рустэ и Гардизи,—а питаются лишь тѣмъ, что привозятъ изъ земли славянъ“; „они не имѣютъ ни недвижимаго имущества, ни городовъ (или селеній), ни пашенъ; единственный промыселъ ихъ—торговля соболями, бѣличьими и другими мѣхами, которые и продаютъ они желающимъ“ [1]). Иной характеръ имѣло новое государство варяжское: объ этомъ можно догадываться изъ участія земли въ призваніи варяговъ; также изъ дани, наложенной позже на словѣнъ, кривичей и мерю, какъ на опредѣленные коллективы. Вотъ почему вѣроятна догадка составителя Повѣсти вр. лѣтъ о томъ, что Рюрикъ, ставши единовластителемъ въ своей варяжской державѣ, роздалъ своимъ мужамъ (ярламъ) города: Полотскъ (гдѣ сидѣли кривичи), Ростовъ (гдѣ сидѣла меря), Бѣлоозеро (гдѣ весь), Муромъ (гдѣ мурома).

Какъ указано, борьба между варяжскимъ и русскимъ государствомъ могла затянуться на долгіе годы; побѣдило то изъ нихъ, съ которымъ была земля, т. е. государство варяжское. Варяжскій конунгъ Олегъ овладѣваетъ Кіевомъ и объединяетъ подъ своею властью территоріи русскаго и варяжскаго государствъ.

Въ мою задачу не входитъ опредѣленіе тѣхъ условій, въ которыхъ стала развиваться новая русская держава, третья по счету, если признаемъ первою ту, что существовала въ первой половинѣ IX вѣка на сѣверозападѣ Россіи. Я хочу только остановиться здѣсь на значеніи третьяго русскаго государства въ исторіи восточнаго славянства. Это государство стало собирателемъ восточнославянскихъ земель. Это произошло частью подъ вліяніемъ тѣхъ особенныхъ условій, которыя привели къ объединенію сѣвера съ югомъ въ рукахъ кіевскаго русскаго кагана, унаслѣдовавшаго такимъ образомъ терри-

[1]) Хвольсонъ, l. c.; Гаркави, l. c.

торіи двухъ каганатовъ: казарскаго и сѣвернорусскаго, частью же отъ того, что въ созданіи новаго государства видное значеніе имѣла земля: побѣдили кіевскаго князя варяги, но сами они были наемниками славянъ, кривичей и другихъ сѣверныхъ племенъ, отстаивавшихъ свои земли отъ чужеземнаго порабощенія. Существенное значеніе имѣетъ при этомъ то обстоятельство, что какъ русскіе дружинники, такъ и смѣнявшіе ихъ варяжскіе выходцы быстро ассимилировались на далекомъ отъ Скандинавіи югѣ восточнославянской этнографической средѣ. Они становились славянами; это выдвигало державность славянскаго элемента въ русскомъ государствѣ и естественнымъ образомъ ставило передъ кіевскимъ княземъ задачу покоренія всѣхъ восточнославянскихъ племенъ. Уже въ теченіе X вѣка завершается процессъ объединенія восточнославянскихъ земель вокругъ Кіева, получающаго въ силу своего положеніи возможность стать не только политическимъ, но и культурнымъ центромъ для всего Поднѣпровья и прилегающихъ къ Поднѣпровью земель. Кіевъ, русскій по преимуществу городъ, передаетъ русское имя не только южной Россіи, въ частности и Черному морю, на которое опирается его могущество, но также и средней Россіи и Новгородскому сѣверу; правда, въ Ростовѣ и Суздалѣ Русью называютъ по преимуществу южную Россію, Кіевскую землю, но въ отношеніи къ чужеземцамъ русью начинаютъ себя называть всѣ вообще восточные славяне. Это показываетъ, что раздробленное въ прошломъ восточное славянство слилось въ одну семью, связанную политическими и культурными узами. Въ сторонѣ остаются, какъ кажется, юговосточныя племена въ бассейнѣ Дона и жившіе на крайнемъ югозападѣ уличи и тиверцы. Но часть уличей, покоренная кіевскимъ княземъ, пріобщается къ той государственной организаціи, которая возглавлялась Владиміромъ Святославичемъ и пошедшею отъ него княжескою династіей; уличи, а вѣроятно и тиверцы, вошли въ составъ галицкихъ земель Ростиславичей. Мы видѣли, что юговосточныя племена, не выдерживая той грозы, какую въ бассейнѣ нижняго теченія Дона и Азовскаго моря поднимаютъ полчища печенѣговъ, а затѣмъ смѣнившіе ихъ половцы, отступаютъ на сѣверъ по Дону и его притокамъ, переходятъ такимъ образомъ въ бассейнъ Оки и, двигаясь въ сѣверозападномъ направленіи, смѣшиваются съ радимичами, распространяясь и дальше въ области кривичей и дреговичей; двигаясь къ сѣверу и сѣверовостоку, они вступаютъ въ область вятичей и смѣшиваются съ ними. Такъ, на сѣверозападѣ Россіи складываются въ одно этнографическое цѣлое, въ бѣлорусскую народность, разновременно занимавшіе сѣверное Поприпятье, верхнее Поднѣпровье и бассейнъ Западной Двины: дре-

говичи, принадлежащіе къ южной вѣтви восточнаго славянства, кривичи—его сѣверная вѣтвь, радимичи, принадлежащіе къ западному славянству, и наконецъ юговосточные выселенцы, шедшіе изъ Подонья послѣ завладѣнія его степняками. На сѣверовостокѣ въ бассейнѣ Оки соединяются въ одну народность западнославянскіе вятичи и юговосточные выселенцы съ Дона: ихъ языкъ можно опредѣлить какъ восточнорусское или степное нарѣчіе. Осѣвшимъ на Окѣ восточнорусамъ пришлось встрѣтиться здѣсь съ сѣвернорусами, заселившими сѣверное Поволжье. Дружными усиліями обоихъ племенъ, восточнорусскаго и сѣвернорусскаго, кладутся основанія сѣверовосточной державы Мономаховичей: Юрія, Андрея, Всеволода; татарская гроза сплотитъ со временемъ еще тѣснѣе оба племени, ибо степнякамъ придется укрываться за Окой въ территоріи сѣвернорусской, все тѣснѣе смѣшиваться съ ними и образовать одну общую народность—великорусскую. Великорусская держава, сосредоточившаяся вокругъ Москвы, становится собирательницей всѣхъ земель сѣвернорусскихъ и восточнорусскихъ.

Такимъ образомъ съ теченіемъ времени на мѣстѣ племенъ, о которыхъ повѣствуетъ лѣтопись, какъ о чемъ-то современномъ или только недавно отошедшемъ въ прошлое, образуются три русскія народности: южнорусская или малорусская, поглотившая полянъ, сѣверянъ, древлянъ, волынянъ, уличей и хорватовъ; бѣлорусская, въ которой слились дреговичи, радимичи, часть кривичей и часть юговосточныхъ или степныхъ племенъ; великорусская, въ которой слились, сохраняя, впрочемъ, на окраинахъ исконныя типическія особенности, сѣверорусы, т. е. словѣне, а также восточная часть кривичей, и восточнорусы, т. е. вятичи и восточная часть степныхъ племенъ. Эти положенія основываются главнымъ образомъ на данныхъ языка, на лингвистическомъ анализѣ русскихъ нарѣчій; но они не расходятся съ тѣми выводами, къ которымъ приходитъ исторія государствъ, основанныхъ на территоріи русскаго племени.